DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pangermanizm01ushe

Ешер, Р. Э.
Dab

РОЛАНДЪ ЭШЕРЪ.

ПАНГЕРМАНИЗМЪ.

Сокращенный переводъ

В. Я. ФАНЪ деръ-ФЛИТА.

Изд-во «ОГНИ».

Тип. Акц. О-ва Изд. Дѣла «Копѣйка», Петроградъ, Сайкинъ, 6, соб. д.

Dyl

РОЛАНДЪ ЭШЕРЪ.

ПАНГЕРМАНИЗМЪ.

Сокращенный переводъ

В. Я. ФАНЪ деръ-ФЛИТА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Тип. Акц. О-ва Изд. Дѣла «Копѣйка», Петроградъ, Сайкинъ, 6, соб. д.

914.3
U 8 B

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Среди трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію причинъ настоящей міровой войны, одно изъ почетныхъ мѣстъ должно принадлежать книгѣ профессора исторіи при Вашингтонскомъ университетѣ въ С. Луи, Роланда Эшера (Usher), изданной подъ заглавіемъ «Pan-Germanism».

Книга эта написана въ началѣ 1913 г. въ предвидѣніи разразившейся нынѣ войны. Авторъ учитываетъ еще бывшее положеніе Италіи и ея отношенія къ тройственному союзу, хотя и допускаетъ ея переходъ на сторону тройственнаго согласія.

При чтеніи сочиненія проф. Эшера не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оно появилось въ свѣтъ до совершившихся въ 1914 г. міровыхъ событій; но это и придаетъ особенный интересъ выводамъ автора, которые въ большинствѣ случаевв нашли себѣ оправданіе въ послѣдующемъ ходѣ событій. Настоящая книга даетъ точное изображеніе исторической канвы, по которой развивалась пангерманская программа въ ея главныхъ линіяхъ. Въ этомъ отношеніи полны интереса въ особенности послѣднія ея главы, и мы полагаемъ, что настоящій сокращенный переводъ ея можетъ послужить къ уясненію тѣхъ замысловъ, которыми продиктовано вооруженное выступленіе Австро-Германіи.

Петроградъ, Апрѣль 1916 г.

I.

ПРИЧИНЫ АГРЕССИВНОСТИ ГЕРМАНІИ.

За послѣдніе годы стало извѣстно, что у офицеровъ германскаго флота принято провозглашать въ каютъ-компаніяхъ тостъ «за тотъ день», т.-е. за день, когда будетъ объявлена война Англіи. Многіе, знавшіе объ этомъ обычаѣ, не отдавали себѣ, однако, отчета въ томъ, какой гигантскій планъ зрѣетъ въ умѣ нѣмцевъ. Цѣль ихъ не болѣе и не менѣе, какъ гегемонія въ Европѣ и міровое господство германскаго племени. Громадной ошибкой идеалистовъ и пацифистовъ было считать подобные планы неосуществимыми; въ дѣйствительности, они наполовину уже приведены въ исполненіе. Ошибочно было также ставить осуществленіе этихъ цѣлей въ зависимость отъ временнаго вліянія немногихъ руководящихъ лицъ. На самомъ дѣлѣ очень небольшое число людей было посвящено во всѣ подробности этого гигантскаго

замысла, но, съ другой стороны, вся германская нація постепенно поддавалась вліянію этихъ идей и работала въ одномъ направленіи. Не слѣдуетъ забывать, что современная Германія всецѣло является созданіемъ Бисмарка. «Она восприняла его безчеловѣчность, масштабъ его замысловъ, его мѣрило истины, его безразличное отношеніе къ справедливости и его грандіозное представленіе о государствѣ. Эта нація забыла Бога въ своемъ поклоненіи германской расѣ.» Какъ ни напыщенны приведенныя слова, они даютъ всетаки понятіе о духѣ, движущемъ германскую націю. Такъ, Ли-Хунгъ-Чангъ относился первоначально скептически въ идеямъ Бисмарка, но послѣ краткаго пребыванія въ Германіи записалъ въ своемъ дневникѣ: «Все, что я видѣлъ, убѣждаетъ меня въ томъ, что кайзеръ и Бисмаркъ думаютъ то, что они говорятъ, когда они предупреждаютъ, что Германія предназначена стать господствующимъ факторомъ въ Европѣ». Возможность осуществленія пангерманскихъ плановъ и угроза, заключавшаяся въ нихъ по отношенію къ другимъ націямъ, стали сознаваться и такими выдающимися государственными дѣятелями, какъ лордъ Робертсъ и Клемансо.

Назрѣваетъ угрожающій Европѣ кризисъ, который можетъ разразиться войной, послѣдствія коей будутъ ощущаться и фермерами въ Сѣверной Дакотѣ, и прядильными фабриками въ Ланкаширѣ, и дикарями въ глубинѣ Африки. Главнымъ факторомъ въ настоящемъ международномъ положеніи является агрессивность Германіи, ея стремленіе расширить свои предѣлы и увеличить свое богатство и власть. Триста лѣтъ тому назадъ Пруссія была слабымъ го-

сударствомъ; отрѣзанная отъ моря, сдавленная между Франціей и Россіей и облѣпленная крошечными государствами, Пруссія видѣла единственный способъ сохраненія своей національной жизни въ агрессивномъ образѣ дѣйствій. Чтобы не быть поглощенной сосѣдями, она должна была расти быстрѣе ихъ и грабить, чтобы не быть самой ими ограбленной. Войной она пробилась къ Балтійскому морю, завоевала Силезію и часть Польши и распространила свое вліяніе на весь сѣверъ Германіи. Будучи окружена сильными врагами, она искала спасенія въ агрессивной политикѣ, и единственная ея надежда на побѣду зависѣла, по выраженію Бисмарка, отъ нанесенія ею перваго удара. Такимъ образомъ она достигла предѣловъ Германіи, дальнѣйшее же ея расширеніе уже переходитъ въ пріобрѣтеніе владѣній, принадлежащихъ другимъ націямъ.

Логика фактовъ, указывающихъ на необходимость для Германіи дальнѣйшаго расширенія, кажется неоспоримой для нѣмцевъ вродѣ ген. Бернгарди. Населеніе такъ быстро увеличилось, что для дѣятельныхъ и хорошо обученныхъ работниковъ не оказывается достаточнаго примѣненія. Не только использована уже вся годная для культуры площадь, но веденіе интенсивнаго сельскаго хозяйства на научныхъ основахъ начинаетъ ограничивать возможность доставленія работы избытку рукъ и ставитъ предѣлы производству. Поэтому Германіи пришлось бы либо стремиться къ сокращенію излишняго числа ртовъ и рукъ, либо увеличивать еще избытокъ продуктовъ, поглощая ихъ у себя, что́ должно повлечь за собою національное разореніе. Расширеніе Германіи явля-

ется, такимъ образомъ, единственнымъ для нея исходомъ, такъ какъ нѣмцы считаютъ разорительнымъ сокращеніе численности населенія путемъ эмиграціи, равно какъ и сокращеніе перепроизводства путемъ пропорціональнаго уменьшенія вывоза.

Остановка роста населенія и производства въ то время, какъ сосѣди продолжаютъ расширяться, Англія—въ своихъ колоніяхъ, Франція—въ Марокко. Россія—въ Сибири и Средней Азіи, означала бы для Германіи, что ея упадокъ стоитъ въ прямой зависимости отъ степени дальнѣйшаго роста ея соперниковъ. Поощреніемъ же эмиграціи Германія содѣйствовала бы своему же собственному разложенію, такъ какъ эмиграція можетъ лишь усилить ея соперниковъ какъ въ военномъ, такъ и въ техническомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Территоріальный приростъ Германія могла бы получить лишь за счетъ Франціи и Россіи, и своихъ слабыхъ сосѣдей: Бельгіи, Голландіи, Даніи и Швеціи. Но пріобрѣтеніе этихъ территорій не устранило бы затрудненій; война за территоріальное расширеніе въ Европѣ была бы безцѣльной. Германія должна найти территорію, не переполненную еще населеніемъ; но ни въ Канадѣ, ни въ Африкѣ, ни въ Азіи нѣтъ болѣе незанятыхъ никѣмъ областей. Поэтому Германія можетъ получить подходящія для нея области для колонизаціи, только отторгнувъ и забравъ ихъ у другихъ. Изъ этого вытекаетъ, что Англія, Франція и Россія по своимъ жизненнымъ интересамъ являются враждебными благосостоянію Германіи.

Кромѣ того, Германіи необходимъ рынокъ для экспорта своихъ продуктовъ. Главное препятствіе

на ея торговыхъ путяхъ—Англія. Англійскій каналъ (Ламаншъ), единственный путь для нѣмецкаго торговаго флота, охраняется англійскими морскими силами. Даже если бы Германія пріобрѣла желанный рынокъ, она осталась бы въ зависимости отъ Англіи. Безъ сильнаго флота въ Нѣмецкомъ морѣ, который угрожалъ бы Англіи, Германія не можетъ обезпечить себѣ свободнаго торговаго пути. Для сохраненія того, что она имѣетъ, Германія принуждена была увеличить свой флотъ соразмѣрно съ англійскимъ.

Чтобы обезпечить себѣ долю въ міровой торговлѣ, безъ страха угрозы со стороны англійскаго флота, она стала пытаться создать для себя сухопутное сообщеніе съ Востокомъ. Эти стремленія породили мысль осуществить конфедерацію, обнимающую Германію, Австро-Венгрію, Балканскія государства и Турцію, которая простиралась бы отъ Нѣмецкаго моря до Персидскаго залива. Желѣзно-дорожный путь отъ Константинополя до Багдада связалъ бы главныя путевыя артеріи отъ Рейнскихъ и Дунайскихъ долинъ до Персидскаго залива и создалъ бы болѣе краткій путь въ Индію, чѣмъ морской черезъ Суэцъ. Такимъ образомъ, Египетъ, Сирія, Аравія, Персія и Индія должны были бы также войти въ сферу вліянія Германской восточной магистрали.

Итакъ, пангерманизмъ, согласно изложенной программѣ его, представляетъ собою, во-первыхъ, національное движеніе съ цѣлью самосохраненія, во избѣжаніе стѣсненія Германіи Франціей и Россіей, которыя будто-бы стремятся къ ея уничтоженію, и, во-вторыхъ, агрессивное движеніе противъ

Англіи съ цѣлью захвата англійскихъ владѣній въ Средиземномъ морѣ и въ Азіи. Германія полагаетъ найти такимъ путемъ выходъ для отлива избытка своего населенія и продуктовъ и создать имперію, положеніе коей было бы наименѣе угрожаемо въ политическомъ, экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ и не имѣло бы ничего себѣ подобнаго въ мірѣ.

Въ отвѣтъ на заявленія другихъ націй, что подобные планы являются ни на чемъ не основаннымъ вызовомъ и что они безнравственны, какъ возвращеніе къ методамъ давно прошедшихъ временъ, германцы съ насмѣшкой указываютъ на англичанъ въ Египтѣ, французовъ въ Марокко, русскихъ въ Манчжуріи, американцевъ въ Панамѣ, и утверждаютъ, что они употребляютъ тѣ же самые пріемы, которыми пользовались и пользуются ихъ нынѣшніе хулители. Теперь, когда дѣло другихъ сдѣлано, говорятъ нѣмцы, и ихъ будущность обезпечена, они могутъ устанавливать понятія «морали», «этики» и «законности», т.-е. принципы, признаніе коихъ Германіей явилось бы только закрѣпленіемъ всего того, что другіе уже получили. Это вполнѣ естественно, говорятъ нѣмцы, и не можетъ быть осуждаемо. Но нѣмцы не должны ожидать, что прочія націи подпишутся подъ этими принципами только изъ чувства любви или восхищенія. Генералъ Бернгарди утверждаетъ, что сила — право и что право рѣшается войной; вся Германія вслѣдъ за нимъ отказывается признавать принципы, примѣненіе коихъ могло бы остановить Германію въ преслѣдованіи цѣлей ея мірового господства. Кромѣ того, Германія познала плоды удачной войны, давшей ей

контрибуцію съ Франціи; поэтому нѣмцы и говорятъ, что въ будущемъ они будутъ требовать въ пять разъ больше. Умѣло использовавъ полученную съ Франціи контрибуцію, какъ могутъ они не считать, что выгоды войны для нихъ больше выгодъ мира? Германія обязана своимъ нынѣшнимъ благосостояніемъ войнѣ. Нѣмцы отрицаютъ дѣйствительность и силу принциповъ права и этики и руководствуются только мыслью о сохраненіи жизнеспособности германской расы. Имъ болѣе по душѣ ученіе Дарвина о преобладаніи сильныхъ, чѣмъ начала, прозванныя Бисмаркомъ «англійскими фразами о человѣколюбіи».

Важнѣйшимъ вопросомъ для англо-саксонской расы является выясненіе основательности или ошибочности тѣхъ началъ стратегической географіи, военной и морской организаціи, финансовъ и торговли, на которыхъ основываются гигантскіе планы Германіи. Если факторы, на которые опираются германцы, дѣйствительно, таковы, какъ они полагаютъ, то міровое владычество Германіи—только вопросъ времени. Если же они не имѣютъ подъ собой почвы, то міровыя событія должны принять иной оборотъ.

Силы и способы борьбы нынѣ настолько разнообразны и обширны, что флоты и арміи могутъ считаться лишь случайными факторами, которыми можно пользоваться или нѣтъ, но которые не должны быть абсолютно рѣшающими для побѣды или пораженія. Прослѣдить и описать всѣ фазисы развитія пангерманизма почти немыслимо, такъ они разнообразны и разновидны. Бурская война, Марокко, смуты въ Персіи, Триполійская война, Балканскій кризисъ являются только эпизодами этой борьбы.

Наиболѣе важно для англо-саксонской расы ознакомиться со взглядами Германіи на европейскую исторію, жизнь и идеалы и съ ея оцѣнкою соотношенія политическихъ, экономическихъ и моральныхъ силъ. Только изъ совокупности этихъ взглядовъ можно надѣяться составить себѣ понятіе о тѣхъ идеяхъ, на которыхъ построена небывало смѣлая и обдуманная программа направленія, въ теченіе долгихъ лѣтъ, эволюціи цѣлой націи и судебъ міра.

Ближайшія главы являются попыткой изобразить Европу и Германію, какъ онѣ представляются самимъ нѣмцамъ. Это должно послужить необходимымъ предисловіемъ къ краткому очерку эволюціи Германіи въ связи съ ея дальнѣйшими цѣлями, а затѣмъ и къ изложенію попытокъ «жертвъ» Германіи помѣшать осуществленію ея замысловъ. Такимъ образомъ, окажется возможнымъ взвѣсить всѣ шансы и придти къ приблизительному заключенію о вѣроятности успѣха германскихъ плановъ или ихъ неудачи.

II.

МИѲЪ О ПРЕОБЛАДАНІИ АНГЛІИ ВЪ ЕВРОПѢ.

«Несмотря на свой внушительный видъ»,сказалъ Бисмаркъ Ли-Хунгъ-Чангу, «Англія имѣетъ много слабыхъ сторонъ, и она знаетъ, что конфликтъ съ почти равной ей силой означалъ бы ея гибель». Бо́льшая часть нѣмецкихъ плановъ всемірнаго господства основывается на мнѣніи, что сила Англіи не абсолютная, а лишь относительная. Не только мощь Германіи, но и слабость ея соперниковъ учитываются, какъ факторы побѣды или пораженія. Со стороны нѣмцевъ было бы ошибочно предполагать, что Англія клонится къ упадку; но ложнымъ является также и представленіе, будто Англія всегда была сильной; она усиливалась за счетъ слабости другихъ, благодаря своему умѣнію пользоваться чужими средствами и путемъ завоевательныхъ захватовъ. Великобританія обладаетъ нынѣ неменьшею внутреннею связью, чѣмъ

раньше, и она не менѣе заинтересована въ сохраненіи общенія со своими колоніями. Но съ точки зрѣнія пангерманистовъ, Британская имперія никогда не представляла собою тѣснаго единенія; никогда у нея не было общаго связующаго экономическаго или географическаго интереса; она всегда была фиктивнымъ понятіемъ, ослѣпительной величиною, недѣйствительность коей оставалась сокрытой только благодаря непроницательности другихъ націй.

Морская мощь Англіи выросла, думаютъ нѣмцы, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, а не создана творческимъ геніемъ, и продолжала поддерживаться преимущественно географическими и геологическими условіями. Формація Британскихъ острововъ и омывающія ихъ съ сѣвера морскія теченія обезпечили узкому проливу между Англіей и Европой значеніе важнѣйшаго въ мірѣ воднаго пути. Торговля сѣверной Европы была принуждена пользоваться этимъ проливомъ въ виду опасности, представляемой окружнымъ плаваніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, проходъ чрезъ этотъ болѣе безопасный каналъ представлялъ много трудностей для деревянныхъ парусныхъ судовъ изъ-за особенностей береговъ и измѣнчивости погоды, изъ-за бурь и морскихъ теченій. Къ тому же наилучшіе естественные порты и бухты случайно расположены на англійской сторонѣ. Между Брестомъ и Гамбургомъ одно только Голландское побережье могло бы служить на континентальной сторонѣ базой для операцій большого флота. Постоянное пользованіе Ламаншемъ влекло за собою пользованіе англійскими бухтами для защиты во время ненастной погоды. Проходъ этимъ узкимъ проливомъ для цѣлаго

флота являлся почти невозможнымъ, кромѣ какъ съ одного или двухъ мѣстъ европейскаго материка, самъ же проливъ обладалъ во времена парусного судоходства естественными преградами противъ непріятельскихъ нападеній, что значительно облегчало его защиту. Эти преграды, однако, пали съ появленіемъ паровыхъ судовъ, выходъ коихъ въ море не зависитъ болѣе отъ атмосферическихъ явленій и морскихъ теченій. Прошли времена, когда англійскій флотъ могъ примѣнять тактику Нельсона, предоставляя непогодѣ защищать проливъ и разбивая врага въ другомъ мѣстѣ.

Нѣмцы учли и то обстоятельство, что былое полное владычество англичанъ надъ Балтійскимъ моремъ, откуда они получали необходимый лѣсной матеріалъ для судостроенія, являлось важнѣйшимъ условіемъ ихъ морского могущества. Трафальгаръ упрочилъ гегемонію Англіи не только какъ выигранное сраженіе, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что господство Англіи надъ моремъ лишало Наполеона возможности добывать необходимый матеріалъ для возобновленія уничтоженнаго флота. Эта монополія утрачена нынѣ Англіею навсегда, такъ какъ суда сооружаются теперь изъ матеріаловъ, не составляющихъ монополіи какой-либо отдѣльной націи, и производство ихъ ускользаетъ отъ надзора Англіи.

Стратегическія особенности сѣверной части Европы нѣмцы также считали причиной англійскаго преобладанія. Область по обѣ стороны устьевъ Рейна является ключемъ сѣверной Европы. Бельгія господствуетъ надъ кратчайшимъ путемъ къ Парижу, а Голландія является единственнымъ исходнымъ пунктомъ,

откуда было бы возможно совершить нападеніе на Англію. Обладаніе Бельгіей и Голландіей дало бы въ руки одной изъ трехъ ближайшихъ къ нимъ націй сильнѣйшее оружіе противъ двухъ остальныхъ. Завладѣть этими странами было мечтою всѣхъ, и половина европейскихъ войнъ велась изъ-за ихъ обланія. Нынѣ оба эти маленькія государства независимы, потому что Англія, Франція и Германія не могутъ допустить чьего-либо господства надъ ними. Съ другой стороны, Эльзасъ-Лотарингія, изъ-за которой Франція и Германія воевали свыше 500 лѣтъ, ведетъ въ сердце Германіи. Наличность этихъ стратегическихъ пунктовъ усиливала вліяніе Англіи. Если бы Франція задумала вторгнуться въ Прирейнскую область изъ Лотарингіи, то Германія соединилась бы съ Англіей, которая могла бы напасть на Парижъ черезъ Бельгію. Если же Германія напала бы на Францію, Англія постаралась бы проникнуть въ Германію черезъ Голландію. Не сила Англіи, а существованіе равновѣсія державъ въ Европѣ являлось рѣшающимъ факторомъ.

Развитіе парламентскаго режима въ Англіи, по мнѣнію нѣмцевъ, также отразилось на наступательной ея силѣ. Къ тому же нѣмцы придаютъ чрезмѣрное значеніе обнаружившимся въ англійскомъ общественномъ мнѣніи разногласіямъ по нѣкоторымъ внутреннимъ вопросамъ (Ирландскій вопросъ, labour party). Въ то время, когда въ Англіи направленіе политикою перешло изъ немногихъ рукъ въ руки большинства, въ Германіи совершилось обратное. Англія поэтому менѣе сильна, чѣмъ была раньше, въ сравненіи со своей соперницей Германіею. Ея

господство надъ морями также упало за послѣднія три столѣтія. Развитіе въ XIX вѣкѣ желѣзныхъ дорогъ сильно пошатнуло преобладаніе Англіи, какъ торговой державы. Такимъ образомъ, по мнѣнію нѣмцевъ, бывшее торгово-экономическое значеніе Англіи пало.

Англія производитъ на нѣмцевъ впечатлѣніе «ожирѣвшаго человѣка».

III.

СЛАБОСТЬ ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКОЙ АНГЛІИ.

Нѣмцы склонны отрицать, что Англія сковала свою мощь оружіемъ. По ихъ мнѣнію, Англійская имперія не дѣйствительность, а миражъ. Они съ удовольствіемъ повторяютъ выраженіе лорда Кёрзона, сказавшаго, что англичане въ Индіи только пѣна на неизмѣримомъ океанѣ. Англійское владычество въ Индіи установилось, по мнѣнію нѣмцевъ, лишь благодаря отсутствію серьезныхъ соперниковъ въ теченіе XIX в. Преобладаніе на морѣ, основанное на господствѣ надъ Ламаншемъ, на мореходномъ искусствѣ, на монополіи судостроительнаго матеріала, давало англичанамъ возможность отстранять отъ Индіи соперниковъ. Не существовало также сухопутнаго сообщенія съ Индіей, которое могло бы быть использовано для военныхъ цѣлей, и, кромѣ Франціи, не было ни одной націи достаточно сильной

и подготовленной, чтобы пойти на такое грандіозное предпріятіе, какъ походъ на Индію. Съ другой стороны, говорятъ нѣмцы, Англія въ теченіе полутора столѣтія была сильна въ Индіи единственно потому, что англичане сумѣли предотвратить объединеніе мѣстнаго населенія противъ нихъ и одновременно были обезпечены отъ рѣшительнаго нападенія извнѣ. Нынѣ, съ измѣненіемъ условій прежняго морского господства, съ исчезновеніемъ преобладающаго стратегическаго положенія въ Ламаншѣ и монополіи судостроительныхъ матеріаловъ, съ сооруженіемъ Багдадской дороги и проложеніемъ русскаго желѣзнодорожнаго пути къ Герату—изоляціи Индіи фактически болѣе не существуетъ. Достаточно небольшого толчка извнѣ и разлада внутри, и волны унесутъ державшуюся на поверхности пѣну.

Въ Средиземномъ морѣ владычество Англіи основывалось на подобныхъ же условіяхъ. Мѣстныя племена находились въ постоянной ссорѣ между собою; прочія же средиземноморскія государства не были въ состояніи сразиться съ Англіей, не провезя первоначально свой боевой матеріалъ чрезъ Ламаншъ, который находился подъ англійскимъ контролемъ. Эти условія настолько измѣнились теперь, что правленіе англичанъ въ Египтѣ, по словамъ нѣмцевъ, должно бы разсматриваться лишь какъ эпизодъ въ ряду административныхъ ошибокъ Египта. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Англія дѣйствительно господствовала надъ Греціей, Турціей и Балканами, проявляя при этомъ извѣстный сюзеренитетъ, но безъ фактической власти управленія и безъ использованія рессурсовъ этихъ странъ. Англія достигла нужныхъ ей резуль-

татовъ, главнымъ образомъ, путемъ устраненія другихъ націй. Такъ, напримѣръ, Турція должна была не столько повиноваться приказамъ Англіи, сколько противодѣйствовать планамъ Россіи. Нынѣ же и другія державы, обладающія морскими силами, могутъ свободно вооружаться и, на ряду съ Англіей, господствовать надъ Средиземнымъ моремъ. Наука, давшая возможность сооружать паровыя суда изъ стали, заставила Англію сконцентрировать свой флотъ въ Сѣверномъ морѣ.

Не можетъ быть также сомнѣнія и въ томъ, что методъ англійскаго владычества, который основывался на нерадѣніи и бездѣйствіи мѣстной администраціи, породилъ, главнымъ образомъ, среди болѣе образованныхъ мѣстныхъ представителей, стремленія къ автономіи. Демократическія теченія, проявившіяся такъ сильно въ Европѣ, обнаружились и на Востокѣ. Египтяне, персы и индусы уже мечтаютъ объ удаленіи иностранцевъ и хотятъ управлять своими странами исключительно въ собственныхъ интересахъ, не платя никому дани и будучи независимыми. Англійское владычество врядъ-ли можетъ продолжаться, думаютъ нѣмцы, если обнаружившіяся нынѣ силы будутъ развиваться въ указанномъ направленіи. Главнымъ условіемъ, которое благопріятствовало Англіи, было отсутствіе у мѣстныхъ уроженцевъ желанія и умѣнія управлять собою. Англичане взяли на себя обузу управленія, которой не желали нести мѣстные жители. Не было-ли бы легко нынѣ, спрашиваютъ себя нѣмцы, добиться отъ англійскихъ подданныхъ въ этихъ странахъ исключительныхъ торговыхъ правъ за оказаніе имъ содѣйствія къ полученію въ свои руки

управленія собственной страною и за обѣщаніе покровительства и защиты на случай нападенія на нихъ извнѣ?

По мнѣнію нѣмцевъ, главная слабость Британской имперіи кроется въ ея величинѣ. Размѣръ англійской добычи, говорятъ они, является мѣриломъ числа ея враговъ. Англія не вынесла бы пораженія въ какой-либо части свѣта безъ утраты своего престижа, что повлекло бы за собою обнаруженіе внутренней ея гнили и общее стремленіе къ грабежу, который напомнилъ бы паденіе Наполеоновской имперіи. Узы, связывающія Англію съ ея самоуправляющимися колоніями, по словамъ нѣмцевъ, весьма слабы. Канада отдѣлена отъ нея Атлантическимъ океаномъ, Южная Африка—разстояніемъ чуть-ли не въ длину меридіана, а Австралія находится болѣе чѣмъ въ 12.000 миляхъ отъ Ливерпуля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сосредоточеніе англійскаго флота въ Ламаншѣ и Средиземномъ морѣ еще болѣе ослабило бы связь между англійскими колоніями и Англіей, и послѣдняя не могла бы обезпечить имъ прежней защиты. Какую же существенную помощь могутъ оказывать колоніи Англіи въ случаѣ войны въ Нѣмецкомъ морѣ, въ Средиземномъ морѣ или на Ближнемъ Востокѣ? Колоніи при скудости своего населенія и средствъ едва-ли могутъ доставлять на такомъ разстояніи требуемое число вспомогательныхъ войскъ. Кромѣ того, нѣмцы считаются съ возможностью нападенія Соединенныхъ Штатовъ на Канаду, Японіи на Австралію, Германіи на африканскія колоніи Англіи, и не вѣрятъ, чтобы англійскія колоніи пошли на добровольныя жертвы.

Милліоны населенія, безграничныя пространства, баснословныя богатства Британской имперіи существуютъ въ дѣйствительности, но они, по словамъ нѣмцевъ, не составляютъ собственности Англіи. Они принадлежатъ народамъ, которые по происхожденію, языку и своимъ интересамъ далеко различаются отъ англичанъ, какъ и отъ германцевъ. Нѣмцы утверждаютъ, наоборотъ, что имѣется на лицо много жизненныхъ фактовъ, которые являются общими какъ имъ самимъ, такъ и англичанамъ, но которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у англійскихъ колоній. Англійская имперія, говорятъ они, никогда не была и не будетъ реальной величиной, и нужно только обнаружить ея слабость.

IV.

ФРАНЦІЯ и РОССІЯ ВЪ ГЛАЗАХЪ НѢМЦЕВЪ.

Германія ненавидитъ и презираетъ Англію. Къ Франціи и Россіи она питаетъ извѣстное почтеніе, смѣшанное со страхомъ, но безъ всякой любви. На Францію она смотритъ какъ на сильнаго человѣка, отжившаго свой вѣкъ и начинающаго стариться; на Россію—какъ на неуклюжаго юношу, который не сознаетъ еще всей своей силы, недовольно ловокъ, чтобы пользоваться ею, и недостаточно еще опытенъ, чтобы не дать легко обмануть себя.

По своему стратегическому положенію, Германія открыта для возможнаго нападенія на нее со стороны Россіи и Франціи. Всѣ три націи занимаютъ широкую площадь, которая тянется отъ хребтовъ Юры и Альпъ къ Атлантическому океану и Балтійскому морю, безъ разграничивающихъ ихъ естественныхъ преградъ. Нѣтъ особыхъ причинъ, говорятъ нѣмцы, почему бы

германская территорія должна была бы простираться именно до этой, а не до такой-то точки. Франція постоянно стремилась получить Рейнъ, какъ естественную границу; Россія же хотѣла бы владѣть всѣмъ Балтійскимъ моремъ. Вожделѣнія обѣихъ націй имѣютъ большое значеніе для Германіи, ибо Франція могла бы достигнуть естественнаго округленія своей территоріи, а Россія «открыть окно въ Европу»—только за счетъ Германіи. Несомнѣнно, что расширеніе той или другой націи означало бы политическую и экономическую смерть Германіи. Между нею и ея сосѣдями нѣтъ строго и ясно положенныхъ границъ, въ видѣ горъ или водныхъ путей. Единственнымъ заслономъ Германіи являются лишь войска ея арміи. Если Германія открыта для нападенія со стороны сосѣдей, то и она, въ свою очередь, можетъ вторгнуться къ нимъ. Естественныя преграды не помѣшаютъ ей стремиться къ территоріальнымъ захватамъ за Рейномъ или въ Польшѣ. Центральная позиція, которую Германія занимаетъ между Франціей и Россіей, смертельно опасна для слабой націи, но для сильной, какъ она, подобное положеніе порождаетъ соблазнъ нападенія. Германскія арміи могутъ помогать другъ другу, не теряя между собою связи, и съ одинаковой легкостью атаковать ту или другую сторону, между тѣмъ какъ противники Германіи могутъ, въ лучшемъ случаѣ, надѣяться произвести одновременную атаку съ двухъ фронтовъ. Согласованіе совмѣстныхъ ихъ активныхъ дѣйствій, передвиженіе и концентрація войскъ въ одно и то же время въ извѣстномъ мѣстѣ такъ для нихъ трудны, что являются почти неосуществимыми.

Германія владѣетъ важнѣйшими гаванями на Балтійскомъ морѣ, а сооруженіе Кильскаго канала лишило въ значительной степени Данію ея прежняго стратегическаго значенія, произведя соединеніе Балтійскаго моря съ Атлантическимъ океаномъ подъ исключительнымъ контролемъ Германіи. Такимъ образомъ, она можетъ закрыть Балтійское море для Англіи и Россіи. Кромѣ того, она владѣетъ въ Эльзасъ-Лотарингіи сильными стратегическими позиціями на французской границѣ. На сѣверо-западномъ фронтѣ она довольно близка къ Парижу. Русскій балтійскій флотъ недостаточно силенъ, чтобы внушать Германіи дѣйствительный страхъ. Равнымъ образомъ она не боится и французскаго флота въ Атлантическомъ океанѣ. Германія боится ихъ армій, но не флотовъ; она учитываетъ силу ихъ положенія, численность населенія, богатство и патріотизмъ. Но она не считаетъ ихъ достаточно хорошо организованными и способными развить и примѣнить всѣ ихъ силы и полагаетъ, что, благодаря неумѣнію использовать всѣ свои рессурсы, они не могутъ быть дѣйствительно опасными.

Главную слабость Франціи Германія усматриваетъ въ ея республиканскомъ режимѣ. Демократическое правленіе, по мнѣнію нѣмцевъ, недостаточно подготовило Францію къ перенесенію большого кризиса. Гибель нѣсколькихъ первоклассныхъ военныхъ судовъ указываетъ на изъяны во французской морской организаціи, а дѣло Дрейфуса показало проникновеніе въ армію вліяній, которыя могутъ оказаться фатальными во время войны. Только безпорочность и заслуги могутъ служить мѣриломъ для назначеній и

повышенія по службѣ; между тѣмъ демократическій режимъ, по мнѣнію нѣмцевъ, много грѣшилъ въ этомъ отношеніи, что неминуемо должно отразиться какъ на военномъ дѣлѣ, такъ и на гражданской администраціи. Народъ безусловно храбръ, лойяленъ и самолюбивъ. Но французы росли врозь, между тѣмъ, какъ Германія все болѣе сросталась во едино. Нѣмцы полагаютъ, что враждебныя республикѣ силы весьма значительны. Администрація пользовалась разъединеніемъ роялистовъ, клерикаловъ и соціалистовъ; но сила каждой группы дѣлаетъ ихъ опасными. Какъ примѣръ, нѣмцы приводятъ разладъ съ Св. Престоломъ; католики болѣе охотно слѣдуютъ за церковью, чѣмъ за правительствомъ. Ростъ соціалистической партіи служитъ плохимъ предзнаменованіемъ для настроенія будущихъ поколѣній и ихъ преданности республикѣ. Внутренній разладъ можетъ ослабить Францію и лишить ее не только наступательной, но и оборонительной мощи. Кромѣ того, нѣмцы учитываютъ упадокъ рождаемости во Франціи. Эмиграція, говорятъ они, почти не играетъ роли въ вопросѣ сокращенія численности населенія; зато увеличеніе преступности среди молодежи и появленіе апашей даетъ имъ предлогъ утверждать, что подрастающее поколѣніе врядъ-ли можетъ сравниться съ прежнимъ. Колоніальное господство Франціи, подобно англійскому, виситъ, по ихъ словамъ, на волоскѣ. У Франціи значительныя колоніи на сѣверѣ Африки, но мѣстное населеніе далеко не удовлетворено французскимъ управленіемъ. Торговая монополія Франціи тамъ скорѣе политическаго свойства, и при возможности свободной торговли Германія легко вытѣснила бы фран-

цузское экономическое вліяніе. Политическое вліяніе Франціи опирается на ея экономическое преобладаніе, но послѣднее недостаточно прочно, и, поэтому, Германіи кажется достижимой задачей выманить и отнять у Франціи привилегіи, которыми она пользуется, напр., въ Марокко. Германія признаетъ доблесть французскихъ начальниковъ колоніальныхъ войскъ, но разсчитываетъ на промахи правителей въ Парижѣ.

Съ другой стороны, Германія относится вполнѣ сознательно къ громадному росту Россіи и ея населенія и къ изумительному развитію ея мощи за послѣднія два столѣтія. Германія знаетъ, что если въ 1700 г. Россія обладала площадью почти равною Германіи, то нынѣ ей подчинена 1/7 всего земного шара. Люди и деньги, говорятъ нѣмцы, жертвуются въ Россіи безъ расчета, какъ раньше, такъ и теперь. Одна защита Балтійскаго побережья стоила ей 700.000 жизней; территорія на Черноморскомъ побережьѣ обошлась не дешевле. Въ XVIII в. она послала на войну 5 мил. людей и столько же въ теченіе XIX вѣка. Она совершила это съ населеніемъ, составляющимъ только часть того, коимъ она обладаетъ теперь. Мало вѣроятно, чтобы она отказалась въ будущемъ отъ прежнихъ пріемовъ для достиженія однородныхъ цѣлей. При этомъ нѣмцы сознаютъ, что между Россіей и ими стоитъ только германская армія. Но они учитываютъ въ то же время, что силу націи составляетъ не все то, что она имѣетъ, а то, чѣмъ она дѣйствительно можетъ воспользоваться въ нужную минуту. Германскіе дипломаты продолжаютъ держаться устарѣвшаго взгляда Бисмарка, что дѣйствія Россіи зависятъ всецѣло отъ личнаго мнѣнія ея правителей и что недостатокъ

поддержки въ мнѣніи народа дѣлаетъ ее ни вполнѣ надежнымъ союзникомъ, ни слишкомъ опаснымъ врагомъ. Управленіе полно рутины, и руководящія сферы не въ состояніи услѣдить за всѣмъ въ этомъ громадномъ механизмѣ, управляя изъ столицы. Россія иными словами слишкомъ обширна, чтобы режимъ управленія изъ центра могъ оказаться удовлетворительнымъ. Многое ускользаетъ отъ наблюденія, и правительство не можетъ принимать быстрыхъ рѣшеній и легко приводить въ дѣйствіе сложный планъ наступленія. По мнѣнію нѣмцевъ, русскій народъ слишкомъ многочисленъ и разрозненъ для того, чтобы въ Россіи могло существовать единство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, если бы онъ даже былъ одного происхожденія и поголовно одинаково преданъ правительству. Просвѣщенный классъ немногочисленъ и недостаточно подготовленъ къ политической жизни; недостатокъ просвѣщенія почти намѣренный; сознательные элементы настроены противъ правительства, въ особенности въ Польшѣ и Финляндіи, и нѣмцы разсчитываютъ на возможность заручиться ихъ поддержкой для возбужденія внутреннихъ смутъ. Сила Россіи является, по ихъ мнѣнію, условной, пока весь народъ еще не сплотился воедино. Въ финансовомъ отношеніи, говорятъ нѣмцы, Россія близка къ гибели, несмотря на ея громадные рессурсы, ибо добрая часть доходовъ идетъ на покрытіе заграничныхъ займовъ. Доколѣ большая часть населенія довольствуется примитивной эксплоатаціей земли, пока промышленность еще почти въ зачаткѣ и источники естественныхъ богатствъ не вполнѣ развиты, до тѣхъ поръ наличныя внутреннія силы Россіи считаются

нѣмцами недостаточными для войны и не отвѣчающими ея внѣшнему облику.

Русскую армію нѣмцы не считаютъ особенно опасной. Примѣръ Японской войны, говорятъ они, показалъ, что русскіе военачальники не могутъ удерживать даже сильныхъ позицій въ случаѣ рѣшительнаго нападенія подъ руководствомъ опытныхъ стратеговъ и тактиковъ. Солдаты и унтеръ-офицеры оказывались часто не на высотѣ, когда требовалось больше, чѣмъ слѣпое повиновеніе начальникамъ. Русскіе баснословно храбры, переносятъ холодъ и голодъ, которые заставили бы возмутиться германскихъ солдатъ,—всѣ эти достоинства присущи русской арміи; но умѣнія, осторожной разсудительности, иниціативы и многихъ другихъ качествъ, необходимыхъ для столь сложной организаціи, каковой является современная армія, у нихъ нѣтъ. Въ русской арміи, по мнѣнію нѣмцевъ, сказываются недостатки администраціи и отсутствіе народнаго образованія. По ихъ мнѣнію, мѣсто Россіи болѣе въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ; поздно или рано русскіе сами придутъ къ этому убѣжденію.

Безъ помощи Австріи и Италіи Германія не можетъ осуществить пангерманскаго плана. Австрія, какъ и Германія, лежитъ на пути русскаго развитія благодаря стремленію первой не столько въ коренные русскіе предѣлы, сколько въ Польшу и въ сторону Адріатическаго и Эгейскаго морей. Кромѣ того, Австрія преслѣдуетъ свои цѣли на Балканахъ; даже если бы Австрія допустила Россію въ Константинополь и къ проливамъ, завладѣніе ею Македоніей и Салониками помѣшало бы Россіи имѣть господство на Эгей-

скомъ морѣ. Австрія, въ помощи коей нуждается Германія на сѣверѣ, требуетъ поддержки Германіи для отстраненія Россіи отъ Балканскаго полуострова. Стремленія Россіи сближаютъ, такимъ образомъ, все болѣе Германію и Австрію.

Италія не испытываетъ страха передъ Россіей и даже Франціей, но нуждается въ содѣйствіи Германіи для осуществленія своихъ плановъ въ Средиземномъ морѣ. Германія и Австрія могли бы оказать помощь Италіи только противъ Англіи и Франціи въ Средиземномъ морѣ: Германія — своими угрозами противъ Англіи, Австрія же—благодаря своему положенію въ Средиземномъ бассейнѣ. Италія могла бы также помочь Германіи противъ Франціи и быть использована Германіей для противодѣйствія Россіи на Балканахъ. Такимъ образомъ, по расчетамъ Германіи, Австрія и Италія должны были бы отвлекать Францію и Россію, пока сама Германія будетъ сражаться съ Англіей.

V.

СИЛА ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНІИ.

Какъ указано выше, Германія не считаетъ свое центральное положеніе въ Европѣ слабостью, такъ какъ она имѣетъ достаточное средство защиты въ своей арміи. При этомъ она разсчитываетъ на возможность продолженія своей торговли, даже въ случаѣ войны, желѣзно-дорожнымъ транзитомъ. Она старается быть страной, имѣющей у себя всѣ необходимые рессурсы. Ея населеніе растетъ быстрѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ наблюдается обратное явленіе. Ея резервная армія почти равна по численности постоянной, что внушаетъ ей увѣренность въ удачномъ исходѣ возможныхъ конфликтовъ. Сравнивая свою задолженность съ задолженностью Франціи и Англіи, она также приходитъ къ благопріятнымъ для себя выводамъ. Въ Германіи на голову населенія приходится не много болѣе 15 долларовъ государственнаго долга, въ Англіи—80, во Франціи—150. Нѣмецкое земледѣліе достигло высшаго развитія, и промышленность

сдѣлала громадные успѣхи. Германія борется экономически со своими соперниками на ихъ собственныхъ рынкахъ. Германія, какъ и Англія, нація—кредиторъ, вывозящая много товаровъ и производящая больше, чѣмъ потребляетъ сама страна. Она имѣетъ у себя также достаточно сырья для продовольствія и для заводовъ (желѣзо), благодаря чему она менѣе зависима отъ Англіи, чѣмъ другія страны.

Германія способна утилизировать всѣ свои рессурсы. Все ведется у нея на строго научныхъ и практическихъ началахъ, и попусту не тратятся ни люди, ни деньги; принципъ ея правительства: достиженіе наибольшаго съ наименьшими средствами. При этомъ частная иниціатива обслуживаетъ цѣли правительства, и средній бюргеръ, въ сущности, доволенъ правительствомъ. Выгоды централизаціи, сказывающіяся уже въ мирное время, должны проявиться, по мнѣнію нѣмцевъ, еще болѣе наглядно въ военное время. Безъ такой централизаціи не осуществимъ такой планъ, какимъ является пангерманизмъ, извѣстный только немногимъ лицамъ. Въ Англіи и Франціи власть находится въ слишкомъ многихъ рукахъ, чтобы могла сохраняться преемственность политики, а что касается Россіи, то, по мнѣнію нѣмцевъ, пространство ея слишкомъ велико, чтобы все могло сосредоточиваться въ одномъ центрѣ. Увѣренность въ возможности использовать рѣшительно всѣ имѣющіяся на лицо силы въ борьбѣ съ націями, которыя неспособны на это, даетъ Германіи надежду на успѣхъ. Нѣмцы увѣрены, что они сильнѣе Англіи въ этомъ отношеніи, что у нихъ достаточно средствъ, чтобы бороться одновременно съ Франціей и Англіей и что сово-

купностью своихъ силъ они превосходятъ всѣхъ трехъ своихъ соперниковъ. Германія убѣждена, что война можетъ быть для нея успѣшна только благодаря въ высшей степени усовершенствованному механизму, руководимому и обслуживаемому людьми, подготовленными къ тому годами. Подобная организація достижима лишь желѣзной дисциплиной и неустанной работой. Приготовленіе къ войнѣ въ подобныхъ размѣрахъ требуетъ отъ націи долголѣтнихъ затратъ. Нѣмцы увѣрены, что ни одна другая нація столько не расходуетъ на это, какъ они, не проходитъ такой же школы и не имѣетъ такой вѣры въ необходимость подобной подготовки. Нѣмцы надѣются такъ усовершенствовать свою армію, чтобы она могла рѣшать всѣ возникающіе споры, не вступая въ бой.

Главная сила Германіи кроется, по мнѣнію ея правителей, въ содѣйствіи всей націи осуществленію грандіознаго плана. Всѣ нѣмцы готовы жертвовать и страдать, чтобы осуществить тѣ идеи, которыми они увлекались въ теченіе долгихъ лѣтъ, и правительство можетъ разсчитывать на поддержку націи для необходимой подготовки въ цѣляхъ проведенія этого плана. Даже соціалисты, несмотря на ихъ рѣчи и теоріи, будутъ готовы содѣйствовать этому, когда настанетъ роковой часъ. Тѣ же самыя условія, которыя наталкиваютъ Германію на расширеніе ея границъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ факторами подготовки къ войнѣ и залогомъ успѣха. Ростъ населенія Германіи, ея фабрики и избытокъ производства—вотъ главные рычаги пангерманизма. Наличность этихъ факторовъ внушаетъ нѣмцамъ убѣжденіе въ осуществимости плана, которымъ они вдохновляются.

VI.

КАКЪ АНГЛІЯ И ФРАНЦІЯ САМИ СУДЯТЪ О СВОЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Прерывая разсмотрѣніе пангерманскихъ плановъ, разберемся въ факторахъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе Англіи и Франціи, и ознакомимся съ данными ихъ національнаго развитія, особенно съ экономическими условіями, которыя они считаютъ главными элементами своей силы и которыя Германія замышляетъ разрушить.

Англія и Франція создаютъ будущее на своемъ славномъ прошломъ. Въ теченіе трехъ столѣтій онѣ были руководящими націями въ Европѣ. Въ XVII вѣкѣ преобладало вліяніе французскаго языка, литературы и нравовъ, не говоря уже о примѣрѣ французской административной системы; съ XIX вѣка Англія становится образцомъ, которому стараются подражать остальныя страны. Кодексъ Наполеона, говорятъ французы, слу-

жилъ примѣромъ для современной Германіи. Англичане указываютъ на то, что система централизованнаго управленія, которою гордится теперь Германія, заимствована ею изъ Англіи. Франція утверждаетъ, что ей исключительно обязана католическая церковь своимъ вліяніемъ, а англичане — что они являются главною поддержкой протестантизма. Англичане приписываютъ себѣ ученіе объ эволюціи, а французы заявляютъ, что благодаря Вольтеру, Руссо и энциклопедистамъ, все мышленіе Европы было направлено по новымъ путямъ. Преобразованіе промышленности, новые методы сельскаго хозяйства, фабричное развитіе и система торговыхъ союзовъ—все это созданіе Англіи. Если Германія стала великой, то она этимъ обязана позаимствованію примѣровъ у Франціи и Англіи. Пусть нѣмцы укажутъ намъ, говорятъ французы и англичане, на какое-либо важное событіе въ жизни Европы, въ которомъ мы не являлись бы главными соучастниками. Англія обладаетъ одной пятой частью всего земного шара и правитъ одной пятой всего человѣчества; половина Сѣверной Америки и четверть Азіи находятся подъ англійскимъ флагомъ. Почти весь міръ стремится къ англійскому образу правленія и носитъ французскія платья; а бывшее господство латинскаго языка перешло теперь къ французскому и англійскому. Даже если бы французы и англичане могли согласиться съ доводами нѣмцевъ относительно обоснованности ихъ стремленій, то указанные неопровержимые факты должны были бы доказать явные недостатки нѣмецкой аргументаціи, могущей явиться для нихъ фатальной именно въ виду ея неясности.

Франція и Англія чувствуютъ, что если бы онѣ и были такъ слабы въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, какъ онѣ представляются Германіи, то онѣ тѣмъ не менѣе обладаютъ достаточнымъ запасомъ силъ въ своемъ экономическомъ превосходствѣ, основанномъ на естественныхъ преимуществахъ, сущность которыхъ нельзя отрицать. Въ XIX вѣкѣ коммерческое развитіе стало обусловливаться взаимоотношеніемъ народовъ; идея, что одна нація можетъ производить все для себя нужное, устарѣла; экономическое взаимоотношеніе и зависимость другъ отъ друга усилились. Современная кредитная система содѣйствовала развитію взаимной зависимости народовъ другъ отъ друга, и Англія и Франція правы, говоря, что эта система создана ими и находится главнымъ образомъ въ ихъ же рукахъ. Относительно извѣстныхъ товаровъ (напр., шерсти, мѣховъ, рыбы) онѣ имѣютъ чуть ли не монопольныя права. Въ Лондонѣ и Парижѣ сосредоточено опредѣленіе мірового курса и руководство міровыми кредитными операціями. Разстройство этой организаціи повлекло бы за собою міровую панику. Англійское производство и торговля растутъ изъ года въ годъ и увеличиваются чуть-ли не на 10—20% въ десятилѣтіе. Монополія Франціи въ предметахъ роскоши, драгоцѣнностяхъ, модѣ осталась тою же, что была и раньше. Лондонъ и Парижъ направляютъ міровую торговлю и распредѣляютъ товары между Западомъ и Востокомъ, и ихъ обороты никогда не были столь значительными, какъ нынѣ. Какъ можетъ обойтись міръ безъ насъ? — спрашиваютъ себя Англія и Франція. Немыслимо, чтобы Германія заняла наше мѣсто и могла пересоздать

всю коммерческую систему, не причинивъ себѣ же громадныхъ убытковъ, которыхъ не искупили бы никакія выгоды. Дѣйствительно, Франція и Англія до извѣстной степени правы, говоря, что онѣ необходимы и что безъ нихъ въ свѣтѣ не обойтись.

Это взаимоотношеніе націй, столь выгодное для Англіи и Франціи, обусловливается продолженіемъ мира. Число лицъ, не говоря о націяхъ, которыя могли бы выиграть отъ войны въ коммерческомъ отношеніи, незначительно; выиграли бы только тѣ, кто поставляютъ матеріалъ или оружіе для армій и флотовъ. Указанныя условія располагаютъ къ мирной пропагандѣ и международному арбитражу. Безспорно, всѣ аргументы въ пользу сохраненія status quo наиболѣе выгодны для Англіи и Франціи, въ рукахъ которыхъ сосредоточенъ контроль надъ финансовымъ міромъ Европы.

Главная сила Англіи и Франціи проистекаетъ отъ сосредоточенія у нихъ наибольшихъ капиталовъ, изъ коихъ даже нѣкоторые, находящіеся въ частныхъ рукахъ, превосходятъ, по ежегодной прибыли, доходы нѣкоторыхъ государствъ. Англичане и французы поэтому не безъ основанія утверждаютъ, что современный экономическій строй, какъ національный, такъ и международный, является ихъ созданіемъ. Состояніе Ротшильдовъ, напр., составляетъ $^1/_{20}$ часть всего народнаго богатства Франціи. Оно не состоитъ, какъ грандіозные капиталы нѣкоторыхъ американцевъ, изъ цѣнностей, могущихъ утратить свое значеніе въ случаѣ финансовой паники, а помѣщено, главнымъ образомъ, въ строеніяхъ, земельныхъ участкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и другихъ осязаемыхъ ве-

личинахъ, которыя могутъ быть только уничтожены съ разгромомъ самой Франціи. Парижскіе и лондонскіе банкиры могутъ, дѣйствительно, осуществлять или тормозить громаднѣйшія финансовыя операціи. Своими экономическими средствами Франція и Англія парализовали воинственность Германіи въ эпоху Агадирскаго инцидента, когда германскіе банкиры не могли мобилизовать достаточной денежной наличности.

Россія, Турція, Египетъ, Индія, Китай, Японія и Южная Америка состоятъ должниками Лондона и Парижа, и платежи по процентамъ обезпечены залогомъ общественныхъ и казенныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ, большинство міровыхъ предпріятій находится въ ихъ рукахъ. По оцѣнкѣ государственныхъ людей Франціи и Англіи, Германія экономически недостаточно сильна, чтобы использовать стратегически и политически выгодный ей моментъ безъ того, чтобы не причинить себѣ вреда. Ввозъ Германіи нѣсколько превышаетъ ея вывозъ, что создаетъ на первый взглядъ впечатлѣніе, будто она, такъ же какъ и Англія, нація-кредиторъ, т.-е. получаетъ больше, чѣмъ вывозитъ, и является поэтому состоятельной. Но въ данномъ случаѣ статистика заблуждается; германскій ввозъ, въ дѣйствительности, не является показателемъ богатства, а скорѣе свидѣтельствомъ бѣдности націи. Балансъ въ международной торговлѣ уплачивается не деньгами, а товарами. Англійскій ввозъ превосходитъ вывозъ, потому что Англія нація-кредиторъ и получаетъ доходы съ помѣщенныхъ ею подъ залогъ капиталовъ. Избытокъ же германскаго ввоза не является доходомъ съ помѣщенныхъ ею

въ предпріятіяхъ собственныхъ капиталовъ, а процентами съ капитала заключенныхъ ею займовъ. Въ дѣйствительности, Германія экономически слаба, и для финансированія, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, цѣлаго ряда общественныхъ и частныхъ предпріятій, она была принуждена занимать. Съ экономической точки зрѣнія Германія не владѣетъ своей собственной торговлей, такъ какъ капиталъ, который создалъ германскую торговлю и которымъ она поддерживается, былъ взятъ ею взаймы и еще не выплаченъ. Вмѣсто того, чтобы употребить часть доходовъ съ этого капитала на погашеніе своей задолженности, Германія все опять пустила въ оборотъ, развила свои торговыя операціи несоразмѣрно съ дѣйствительными своими оборотами и, такимъ образомъ, подвергла себя опасности быть внезапно принужденной къ уплатѣ долговъ, вслѣдствіе чего она могла бы оказаться несостоятельной. Подобныя финансовыя операціи считаются англичанами и французами прямо безразсудными.

Относительно незначительная національная задолженность Германіи не можетъ быть сопоставлена съ государственнымъ долгомъ Англіи и Франціи, какъ мѣрило экономической мощи этихъ трехъ націй. Германія состоитъ должникомъ, главнымъ образомъ, этихъ двухъ странъ, а онѣ являются *должниками своихъ собственныхъ гражданъ*. Положеніе націи въ международной оцѣнкѣ не затрогивается наличностью долга ея по отношенію къ собственнымъ подданнымъ, потому что совокупность національнаго имущества, обезпечивающаго займы, состоитъ изъ общественной собственности и иму-

щества всѣхъ гражданъ, а равно изъ суммъ, должныхъ націи или отдѣльнымъ гражданамъ другими правительствами или ихъ подданными. Государственные долги Англіи и Франціи, главнымъ образомъ, гарантированы національнымъ имуществомъ, между тѣмъ какъ государственный долгъ Германіи является національною задолженностью. Если Франція и Англія принуждены погашать свои долги, то онѣ платятъ самимъ себѣ; иными словами, онѣ какъ-бы измѣняютъ тогда только роспись народнаго богатства. Если же Германія была бы принуждена уплатить свои долги, то ей пришлось бы обогащать другія націи. Съ точки зрѣнія международной финансовой политики, національный долгъ страны составляютъ не только деньги, которыя казна заняла, но совокупность всей задолженности правительства и гражданъ по отношенію къ другимъ націямъ и ихъ подданнымъ. Итогъ государственной и частной задолженности обозначаетъ дѣйствительную сумму, которую должна уплатить нація. Англія и Франція публично и частнымъ образомъ должаютъ сравнительно очень немного денегъ другимъ странамъ; Германія же является должникомъ во всѣхъ краяхъ свѣта за предпріятія и сдѣлки своихъ подданныхъ. Другія націи не вѣрятъ поэтому въ силу Германіи и недоумѣваютъ, какъ она можетъ готовить столь широкіе агрессивные планы. Подобные замыслы осуществимы только на полученный Германіей заемный капиталъ и могутъ лишь, въ концѣ концовъ, увеличить ея слабость. Ясно, что если Германія проиграетъ, она врядъ-ли оправится въ теченіе цѣлаго столѣтія, и всѣ спрашиваютъ себя, какъ она вообще можетъ выиграть.

VII.

ГЕРМАНСКІЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Германія признаетъ экономическую силу Англіи и Франціи,—покуда царствуетъ миръ. Но съ возникновеніемъ войны, говорятъ нѣмцы, положеніе этихъ странъ должно ослабѣть. По ихъ мнѣнію, война не будетъ вестись только ружьями и пушками, но экономическими кризисами. Германія разсчитываетъ нанести окончательный ударъ Англіи и Франціи не на полѣ битвы, но въ банкахъ и на фабрикахъ, уничтожая основы, отъ которыхъ зависитъ главнымъ образомъ содержаніе армій.

Взаимная зависимость между націями полезна въ экономическомъ отношеніи для Англіи и Франціи, предоставляя имъ возможность развивать свои силы путемъ безпрерывнаго товарообмѣна съ другими націями, на чемъ и покоится ихъ благосостояніе.

Степень экономическаго развитія, количество сырья, на полученіе коего извнѣ онѣ разсчитываютъ, и число изготовленныхъ товаровъ, которое они надѣются вывезти, явятся, по мнѣнію нѣмцевъ, мѣриломъ экономической слабости названныхъ странъ, когда война будетъ угрожать ихъ морскимъ путямъ. Англія питается извнѣ и должна издалека получать сырье, чтобы заставлять работать свои фабрики. Эта зависимость отъ .другихъ націй свидѣтельствуетъ не о силѣ, а о слабости, потому что ставитъ процвѣтаніе Англіи въ зависимость отъ условій, которыя Германія не желаетъ признавать естественными. Нѣмцы полагаютъ, что миръ разнится отъ войны только по степени силы происходящей уже борьбы, ибо вся жизнь есть борьба. Надѣясь на возможность обойтись безъ примѣненія физической силы въ борьбѣ за существованіе, Англія строитъ, такъ сказать, на пескѣ.

Что касается громадныхъ капиталовъ, отъ которыхъ, по мнѣнію Англіи и Франціи, зависитъ ихъ благосостояніе и экономическое преобладаніе, то тотъ фактъ, что онѣ размѣстили ихъ во всѣхъ частяхъ свѣта въ намѣреніи обезпечить себя отъ слишкомъ большихъ потерь на случай войны или банкротства той или другой страны, заставляетъ ихъ рисковать частью дѣйствительнаго состоянія. Онѣ роздали реальныя цѣнности на громадныя разстоянія и удалили ихъ отъ своихъ армій, получивъ взамѣнъ только обѣщаніе уплаты, что зависитъ отъ доброй воли должниковъ. Онѣ всюду помѣстили свои деньги, кромѣ какъ у себя дома, и рискнули ими, ибо въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ сохраненія существующихъ принциповъ коммерческой морали. Это, по словамъ нѣм-

цевъ, не помѣщеніе капиталовъ, а спекуляція. Реальныя величины, какъ желѣзныя дороги, фабрики, копи, принадлежатъ должникамъ. Дѣйствительное богатство Англіи, избытокъ, коимъ она гордится, получается не съ ея полей и не изъ ея почвы,—т.-е. не съ того, что можетъ быть отнято только силой оружія, но является доходомъ отъ сбереженій прошлаго и съ того, что она получала въ теченіе десятковъ лѣтъ въ видѣ прибыли, благодаря превышенію ея вывоза надъ ввозомъ. Весь свѣтъ платилъ дань Англіи, но онъ впредь будетъ платить ее только, пока онъ самъ того пожелаетъ; можетъ настать время, когда дебиторы не захотятъ болѣе платить. Конечно, подобныя предположенія, идущія въ разрѣзъ съ общепринятыми понятіями коммерческой морали, означали бы нарушеніе существующихъ принциповъ, но нѣмцы спрашиваютъ, какъ Англія и Франція могли бы этому противодѣйствовать, если бы ихъ должники, дѣйствительно, не захотѣли долѣе платить имъ. Они допускаютъ, что подобный отказъ отъ платежей затруднилъ бы въ будущемъ заемъ денегъ другъ у друга, но если бы подобный отказъ осуществился, то націи-дебиторы болѣе не были бы принуждены занимать для будущихъ поколѣній. Если допустить, что германскій флотъ могъ бы обладать морями, то Англія лишилась бы своихъ рессурсовъ и обанкротилась бы, не получая болѣе товаровъ, которыми платятъ ей націи, задолжавшія у нея. Германія могла бы заставить Англію утратить доходъ тысячъ ея подданныхъ, которые оказались бы разоренными. Если долгъ націи состоитъ изъ задолженности государства и задолженности его подданныхъ, то не менѣе очевидно, что доходъ

націи состоитъ изъ рессурсовъ государства и доходовъ его подданныхъ. Если послѣдніе существенно пострадаютъ, то тѣ сферы, на которыя правительство разсчитываетъ, какъ на плательщиковъ налоговъ, окажутся несостоятельными, и правительство, равно какъ и отдѣльные граждане, будутъ разорены. Ради достиженія такихъ результатовъ, не слѣдуетъ, по словамъ нѣмцевъ, скупиться на расходы для созданія флота, такъ какъ Германія можетъ вернуть сторицею свои затраты.

Нѣмцы разсчитываютъ менѣе на свое нынѣшнее положеніе и на внутреннее богатство страны, чѣмъ на то, что они могутъ оказаться искуснѣе своихъ соперниковъ. По ихъ мнѣнію, война должна разорить Англію и Францію. Германія почти уже можетъ содержать себя. Покуда ея армія не разбита, никто не можетъ отнять ея фабрикъ и ея полей. Допустимъ, что она откажется платить своимъ должникамъ; она будетъ пользоваться тогда даромъ добытымъ ею экономическимъ развитіемъ. И кто можетъ, спрашиваетъ она, заставить ее платить, кто достаточно силенъ, чтобы покорить ее на собственной ея землѣ? Такой экономическій ударъ былъ бы опаснѣе для ея враговъ, чѣмъ пораженіе на сушѣ или на морѣ. Пока продолжается миръ и она должна признавать нынѣшнюю коммерческую мораль, она должна платить своимъ должникамъ; при возникновеніи же войны она свободна. Если ее разобьютъ, она должна опять будетъ платить.

Германія не безпокоится на счетъ необходимой для начатія войны денежной наличности, несмотря на то, что до извѣстной степени средства должны

быть добыты у ея же враговъ. Она помѣстила въ предпріятія всѣ свои прибыли, получаемыя отъ искусныхъ операцій, и не предприняла шаговъ, чтобы выплатить капиталъ своихъ обязательствъ. Она знаетъ, что многіе изъ ея подданныхъ помѣстили свои деньги въ другихъ странахъ и что она сама вступила въ сѣть международныхъ коммерческихъ предпріятій. Но даже если ея подданные все потеряютъ, выгоды Германіи будутъ всетаки громадны. Нѣмцы допускаютъ возможность паденія нѣмецкихъ цѣнностей на международномъ рынкѣ, но они знаютъ также, что пропорціонально падутъ и англійскія и французскія цѣнности. Поэтому они вѣрятъ въ то, что если взаимодѣйствіе экономическихъ силъ будетъ окончательно нарушено, то разстройство англійскихъ и французскихъ цѣнностей будетъ настолько велико, что потери, понесенныя Германіей, окажутся сравнительно ничтожными. Кто же понесетъ эти главныя потери? Цѣнности Германіи только бумажныя, между тѣмъ какъ фабрики и поля, остающіяся въ рукахъ Германіи, не утратятъ своей цѣны. Потеряетъ иностранный держатель нѣмецкихъ акцій, и ему только будетъ нанесенъ ударъ. Германія, иными словами, можетъ бить своихъ враговъ ихъ же деньгами и не только получить даромъ свои промышленныя предпріятія, но и окупить свое войско, флотъ и всю войну.

Германія слышитъ со всѣхъ сторонъ, что ее осуждаютъ за безнравственноесть ея образа дѣйствій. Но нѣмцы утверждаютъ, что мораль не имѣетъ ничего общаго съ исходомъ войны. Мораль, какъ коммерческаго, такъ и политическаго міра, говорятъ они, покоится на принципахъ, провозглашенныхъ Англіей

и Франціей; ими обезпечивается ихъ нынѣшнее благо состояніе. Эта мораль основывается на міровомъ го сподствѣ и на желаніи его сохранить; принципы это морали осуждаютъ Германію на бездѣйствіе. Ге манцы отказываются признавать моралью то, чт мѣшаетъ ихъ національному развитію; они требу ютъ права защищаться всѣми средствами, которым они могутъ достичь желаемыхъ результатовъ, и н имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія подчиниться так называемымъ «этическимъ» принципамъ, препятствуюк щимъ ихъ свободѣ дѣйствій. Поэтому, случись худше Германія прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ, чтоб уничтожить своихъ противниковъ.

VIII.

НЕОБХОДИМЫЯ УСЛОВІЯ УСПѢХА.

Осуществленіе такихъ грандіозныхъ плановъ, каким являются задачи пангерманизма, зависитъ отъ извѣстныхъ условій, которыми можетъ быть только подготовленъ успѣхъ, т.-е. достиженіе Германіей и ея союзниками мірового владычества и удержаніе его будущимъ поколѣніемъ.

Первымъ такимъ условіемъ является созданіе сильнаго флота для огражденія свободы торговаго пути Германіи черезъ Ламаншъ. Флотъ этотъ долженъ настолько угрожать Англіи, чтобы удержать ее отъ риска войны. Германскій флотъ есть оборонительное оружіе въ видахъ обезпеченія свободы плаванія черезъ Ламаншъ, свободы, столь необходимой для дальнѣйшаго расширенія Германіи. Пока это не достигнуто, нѣмецкія колоніи, заокеанскіе рынки и высокое развитіе промышленности безцѣльны. Германія должна устранить всѣ препятствующія ей преграды. Пока она не будетъ обладать достаточнымъ флотомъ,

чтобы угрожать англійскому господству въ Ламаншѣ до тѣхъ поръ она заставляетъ Англію концентрировать свой флотъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

Второе условіе—сильная армія. Армія, говорят нѣмцы, имѣетъ также лишь оборонительное значеніе, служа преградой между Германіей и ея врагами. Она имѣетъ то же значеніе, что Ламанш Альпы или Пиренеи. Армія должна быть, однако настолько сильной, чтобы дать Германіи въ случаѣ войны возможность напасть на Англію, оставляя ее беззащитной со стороны Франціи и Россіи. Кромѣ того, она должна быть въ состояніи отразить ихъ совмѣстное нападеніе. Съ нѣмецкой точки зрѣнія, главнѣйшая задача германской арміи—удержать и отвлечь Францію и Россію отъ воинственных замысловъ, такъ какъ нѣмцы въ сущности не желают воевать; они лишь хотятъ достичь результатовъ войны не рискуя ея послѣдствіями. Изъ этого вытекаетъ, что каждый шагъ къ усовершенствованію арміи означает шагъ къ осуществленію германскихъ плановъ з воевательнымъ оружіемъ, которое иносказательно имен нуется «мирнымъ» способомъ.

Захватъ Голландіи и Бельгіи будетъ навѣрное первымъ дѣйствіемъ Германіи, когда созрѣетъ время для завершенія пангерманскаго плана. Давно уже из вѣстно, что нападеніе на Голландію или Бельгі равносильно объявленію европейской войны и Герман нія несомнѣнно будетъ скрывать свои намѣрені Но захватъ этихъ двухъ странъ есть неизбѣжное усл віе дальнѣйшаго успѣха пангерманизма; уже готов желѣзнодорожные пути и сооруженные каналы св дѣтельствуютъ объ этихъ цѣляхъ. Германія нужд

ется въ этой стратегической позиціи; Голландія одна можетъ предоставить Германіи необходимую морскую базу для угрозы Англіи и для форсированія прохода черезъ Ламаншъ. Пока германскій флотъ принужденъ оперировать съ столь отдаленной отъ Темзы базы, какъ Киль, положеніе флота не является нормальнымъ. Только изъ Голландіи возможенъ набѣгъ на Англію; изъ Бельгіи же Германія легко можетъ достичь Парижа. Имѣя въ своихъ рукахъ обѣ страны, она можетъ совершить захватъ Лондона и Парижа, чѣмъ былъ бы нанесенъ чувствительный ударъ тройственному согласію.

Не менѣе очевидно экономическое значеніе Голландіи и Бельгіи. Онѣ владѣютъ истоками Рейна и могутъ помѣшать Германіи использовать свои естественные пути, дополненные развитой внутренней системой, въ цѣляхъ обслуживанія арміи продовольствіемъ. Кромѣ того, захватъ этихъ двухъ странъ далъ бы Германіи желанный приростъ колоніями.

Другое условіе для конечнаго успѣха пангерманизма—привлеченіе на сторону Германіи Скандинавскихъ государствъ. Зундъ могъ бы быть закрытъ по желанію Германіи, и Россія была бы лишена выхода въ море. Если этого не будетъ достаточно для отторженія Россіи отъ тройственнаго согласія, то Германія во всякомъ случаѣ, по расчету нѣмцевъ, должна была бы допустить, во избѣжаніе финансоваго кризиса, наводненіе Германіи русскими продуктами. Такая принудительная экономическая связь явилась бы способомъ избѣгнуть войны съ Россіей. Съ другой стороны, тѣсное сближеніе съ Скандинавскими странами дало бы возможность Германіи снабжаться уг-

лемъ и желѣзомъ. Извѣстное соглашеніе съ Швейцаріей также понадобилось бы нѣмцамъ, хотя конечная форма подобнаго соглашенія могла бы только создаться сообразно съ требованіями даннаго момента.

Однимъ изъ главныхъ условій успѣха пангерманскаго плана является созданіе конфедераціи Балканскихъ государствъ, либо при сохраненіи ихъ независимости, съ установленіемъ тайнаго контроля надъ ними Германіи или Австріи, либо съ подчиненіемъ извѣстныхъ областей Австріи. На Балканахъ лежатъ ключи къ Европѣ. Вдоль побережья Чернаго моря идетъ путь Россіи къ Царьграду; по Дунаю, черезъ Бѣлградъ, Софію и Адріанополь идетъ континентальный путь, использованный, въ свое время, римлянами и крестоносцами, и ведущій отъ Рейна къ Константинополю и на Востокъ. Вокругъ Македоніи идетъ путь, которымъ пользовались вестъ-готы и который ведетъ изъ Константинополя въ Тріестъ, Венецію и въ долину р. По. Изъ Салоникъ флотъ можетъ владѣть Эгейскимъ моремъ. Западное побережье Балканскаго полуострова является базой для владычества надъ Адріатикой. Такимъ образомъ могло бы быть подорвано господство Англіи въ Средиземномъ морѣ, а Германія и Австрія могли бы завладѣть также Египтомъ и Суэцомъ. Если всего этого и не достичь Германіи, то всетаки была бы проложена дорога чрезъ нейтральную турецкую территорію къ Багдадскому пути, Персидскому заливу и Индіи, дорога, которая не находилась бы подъ угрозой англійскаго флота. Кромѣ того, Германія могла бы расплатиться Балканскими территоріями съ Австріею за ея поддержку въ дѣлѣ осуществленія пангерманскаго плана. Австрія давно

уже сознаетъ, что ей не придется расшириться ни на сѣверъ ни на западъ и что она могла бы только продвинуться чрезъ Сербію къ Эгейскому морю и на юго-западъ, къ Адріатикѣ. Она видитъ, что ея будущность требуетъ выхода къ этимъ морямъ и что дальнѣйшее ея экономическое развитіе зависитъ отъ участія въ торговлѣ съ менѣе развитыми частями свѣта, отъ чего нажились и ея соперники. На Балканахъ Австрія встрѣчаетъ соперничество Россіи; между ними компромиссъ невозможенъ. Но безъ помощи Германіи она не можетъ справиться съ Россіей.

Завладѣвъ Балканами, Австрія и Германія займутся реорганизаціей Турціи. Въ прошломъ Европа считала стратегическіе пункты Турціи слишкомъ важными, чтобы допустить захватъ ихъ какой-либо націею. Только въ виду ея неизлѣчимой болѣзни доктора позволили Турціи жить. Турція держитъ въ своихъ рукахъ Малую Азію съ ея житницами, которыми пользовались еще римляне, а равно и пути, ведущіе къ Тигру и Евфрату, гдѣ находилась древнѣйшая монархія. Малоазіатскими рынками пользовались еще финикіяне. Весь сѣверъ Африки принадлежитъ султану, который до сихъ поръ остался главою магометанскаго міра. Въ случаѣ поднятія имъ священной войны, Англія и Франція были бы принуждены выслать изъ Европы военныя силы, что значительно облегчило бы Германіи веденіе войны на европейскихъ фронтахъ. Отъ Турціи Германія можетъ ожидать тогда полной поддержки своимъ торгово-экономическимъ планамъ, т. е. проведенію Багдадской дороги, постройка коей возмѣстила бы Германіи и ея союзникамъ всѣ затраты. Равнымъ образомъ Германія надѣется извлечь

пользу отъ реорганизаціи Персіи подъ германскимъ руководствомъ.

Такимъ образомъ, Германіи невозможно осуществить пангерманскіе планы безъ содѣйствія Австріи, Турціи, Персіи и Балканскихъ государствъ. Нѣмцы сознаютъ, что эти государства и страны не будутъ помогать ей только изъ любви къ ней, что они не будутъ этого дѣлать исключительно въ силу договоровъ, ибо сама Германія пренебрегаетъ международными обязательствами, и что пока они не удовлетворены реальными выгодами, они могутъ помѣшать осуществленію всего плана. Поэтому успѣхъ пангерманизма будетъ зависѣть отъ умѣнія нѣмцевъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ своихъ пособниковъ, не нарушая жизненныхъ интересовъ отдѣльныхъ частей. По всей вѣроятности, Австрія удовольствуется Адріатикой и доступомъ къ морю чрезъ Балканы, Египтомъ и Палестиной; Балканскія государства, Европейская Турція и Персія будутъ удовлетворены гарантіей автономіи въ ихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ. Германія охотно поступится Средиземнымъ моремъ за Индію, Остъ и Вестъ-индскіе острова и часть Африки, а Испанія можетъ быть вознаграждена частью западнаго Марокко. Будетъ-ли эта коалиція достаточно сильна, чтобы наложить руку и на Южную Америку вопреки протесту С. А. Соединенныхъ Штатовъ, это можетъ быть выяснено только обстоятельствами въ зависимости отъ успѣха борьбы.

IX.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Планъ пангерманской идеи нельзя считать системой, разработанной цѣликомъ тѣмъ или другимъ политическимъ дѣятелемъ, и осторожный историкъ можетъ только сказать, что этотъ планъ сложился изъ различныхъ политическихъ проектовъ, возникшихъ въ Германіи послѣ ея объединенія. По всей вѣроятности, было три фазиса германской политики: 1) стремленіе создать флотъ для защиты колоній, 2) попытка завладѣть рынками на Востокѣ проложеніемъ торговаго пути чрезъ Балканскій полуостровъ и Турцію, которые образовали какъ бы нейтральную зону, и 3) конечный агрессивный планъ съ замыслами мірового господства.

Съ 1880-90 г.г. Германія стремилась къ пріобрѣтенію колоній. Всѣ хорошія колоніи были уже разобраны, и нѣмцы должны были убѣдиться, что они получили то, что другимъ казалось негоднымъ. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ Германія

въ своемъ расширеніи должна была столкнуться съ другими націями. Слѣдующій шагъ былъ попыткой мирнаго проникновенія торгово-экономическими средствами, по примѣру Франціи въ Марокко, Англіи въ Египтѣ, Англіи и Россіи въ Персіи и Соединенныхъ Штатовъ въ центральной Америкѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, нѣмцы стали присматриваться къ Венецуэлѣ. Затѣмъ они обратились къ Африкѣ, потомъ взялись за мысль сооруженія пути къ Персидскому заливу. Чтобы усыпить подозрѣнія Англіи и Россіи, они согласились даже не доводить дороги до Персидскаго залива; такимъ образомъ была подписана концессія съ Турціей. Англія же и Россія стали работать въ Персіи съ той цѣлью, дабы Багдадская желѣзная дорога не могла служить болѣе широкимъ задачамъ, чѣмъ только развитію Малой Азіи. Встрѣтивъ это препятствіе, Германія задалась уже агрессивными планами, которые и составляютъ цѣли пангерманизма. Строился и увеличивался флотъ, сооруженіе желѣзнодорожнаго пути подвигалось впередъ, и Германія стала добиваться проникновенія своего вліянія въ Турцію путемъ реорганизаціи турецкаго войска нѣмецкими инструкторами и предоставленіемъ финансовой помощи. Появляются нѣмцы на отвѣтственныхъ постахъ въ турецкой арміи и администраціи и постепенно сближаются съ младотурками; Германія содѣйствуетъ Турціи высвободиться изъ принятыхъ на себя старымъ режимомъ обязательствъ. За поддержку же своихъ плановъ нѣмцы обѣщаютъ туркамъ автономію ихъ внутренняго управленія и освобожденіе отъ опеки ихъ «старыхъ друзей». Тѣмъ временемъ нѣмцы изучали положеніе дѣлъ на

Балканахъ, въ Марокко, Персіи и Индіи. Всюду они встрѣчали желаніе добиться автономіи и стремленіе къ изгнанію чужеземцевъ. Германія воспользовалась демократическими теченіями въ этихъ странахъ и льстила національному самолюбію. Такимъ образомъ, козыри оказались въ рукахъ нѣмцевъ. Балканскія народности представляли собой смѣсь самыхъ разнообразныхъ національностей. Кромѣ того, продолжались вѣчныя религіозныя распри, благодаря соперничеству греческой и римской церквей. Наиболѣе ненавистнымъ врагомъ балканскихъ народностей оставались турки, и чувство злобы противъ нихъ объединило ихъ всѣхъ. Когда Германія приступила къ реорганизаціи Турціи и захватила подъ свою опеку султана, что было легче для нея, чѣмъ дозволить балканскимъ народностямъ начать войну подъ ея же руководствомъ? Балканскимъ народностямъ казалось, что при поддержкѣ Германіи онѣ смогутъ осуществить свои завѣтныя мечты; вмѣстѣ съ тѣмъ помощь Германіи не могла быть ими отклонена. Онѣ не замѣчали, что полученіе ими денегъ, вооруженія и военнаго обученія за счетъ Германіи является, собственно, нежелательнымъ, но онѣ полагали, равно какъ и ихъ новые друзья, что всѣ эти приготовленія могутъ послужить имъ не на одинъ только разъ. Они и довѣрились своимъ новымъ друзьямъ.

Въ Марокко Германія нашла еще болѣе благопріятную почву. Французскія войска возбуждали противъ себя неудовольствіе мѣстнаго населенія. Нѣмцы сознавали, что французская военная сила въ Марокко можетъ стать значительнымъ факторомъ

и въ европейской войнѣ; поэтому они старались занять французовъ въ Марокко.

Въ Персіи нѣмцы также не теряли времени. Національная оппозиція противъ англо-русскаго вліянія была достаточно сильна, но не имѣла опредѣленной цѣли, и революціонная партія не обладала достаточными средствами, чтобы «финансировать» возстаніе. Нѣмцы охотно согласились дать на это нужныя деньги. Русскіе и англичане скоро раскрыли нѣмецкій планъ. Въ то время, когда Багдадская дорога стала подвигаться впередъ, участокъ за участкомъ, и стремленія къ независимости все болѣе стали обнаруживаться въ Персіи, Россія и Англія рѣшили, что необходимо начать дѣйствовать. Онѣ отправили въ Персію комиссію, которая вынесла впечатлѣніе, что такъ какъ персы неспособны управляться сами собой, то Англія и Россія должны вмѣшаться въ персидскія дѣла для пресѣченія анархіи. Въ 1907 г. Персія была раздѣлена на двѣ сферы вліянія, съ преобладаніемъ русскаго въ сѣверной части и англійскаго въ южной, между тѣмъ какъ въ находящейся между обѣими этими сферами нейтральной зонѣ персы могли вѣдать самостоятельно своими дѣлами только въ той мѣрѣ, въ какой это допустятъ Россія и Англія съ общаго согласія. Обѣ державы, разумѣется, не могли допускать ничего, что усилило бы германское вліяніе въ Персіи.

Въ 1909 г. послѣдовалъ, совершенный не безъ содѣйствія Германіи, государственный переворотъ, вслѣдствіе котораго Персія должна была быть преобразована. Была введена конституція, избранъ новый шахъ, и финансовое управленіе довѣрено иностран-

цамъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей, работавшихъ на пользу финансоваго оздоровленія Персіи, былъ американецъ Шустеръ. Разумѣется, Германія не стремилась къ оздоровленію Персіи и созданію изъ нея независимаго національнаго государства. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Германія только разсчитывала на замѣну русско-англійскаго режима открытой революціей. Созданіе сильнаго правительства, которое могло бы отдѣлаться отъ англичанъ и русскихъ, врядъ-ли входило въ ея расчеты, такъ какъ оно помѣшало бы ей осуществлять свой контроль.

Одновременно Германія «сѣяла вѣтеръ» также въ Египтѣ и Индіи, поощряя панисламское движеніе. Германія старалась при этомъ дѣйствовать на воображеніе мѣстнаго населенія, распространяя мнѣніе, будто положеніе Англіи начинаетъ слабѣть и что имѣются другія государства въ Европѣ, которыя симпатизируютъ народностямъ, находящимся подъ управленіемъ Англіи. Это должно было означать, что Англія не въ состояніи будетъ посвятить все свое вниманіе дѣлу подавленія мятежа въ Индіи и что мѣстныя племена имѣютъ возможность подготовиться, чтобы потребовать отъ Англіи установленія своей полной независимости. Такимъ образомъ, Германія вдохнула новыя жизненныя силы въ панисламское движеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ значительную роль играли нѣмецкія деньги, которыя Германія сама же навѣрное заняла въ Лондонѣ съ обычной ей безцеремонностью.

Такимъ образомъ, въ 1910 г. все было налажено для начала осуществленія пангерманскаго плана.

X.

ОТНОШЕНІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ КЪ ПАНГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ.

Когда англійскіе и французскіе дипломаты стали уяснять себѣ значеніе пангерманской идеи и широту плановъ Германіи, они поняли необходимость усилить свое положеніе. Они вступили въ переговоры съ Америкой, и результатомъ явился обмѣнъ мнѣній между этими тремя странами, кажется, еще до лѣта 1897 г. Несмотря на то, что не было заключено никакого письменнаго соглашенія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты дали понять, что въ случаѣ начала войны Германіей и Австріей въ пангерманскихъ цѣляхъ, они были бы готовы принять сторону Англіи и Франціи и помогать имъ. Фактъ, что этотъ обмѣнъ мнѣній не получилъ огласки, не лишаетъ его важнаго значенія. Въ виду того, что географическія, экономическія и политическія условія не измѣ-

нились, подобное согласованіе интересовъ должно оставаться въ силѣ.

С.-А. Соединенные Штаты занимаютъ стратегическое положеніе сильное въ оборонительномъ отношеніи и слабое въ наступательномъ. Они неуязвимы для нападенія со стороны иностранныхъ флотовъ и армій. Конечно, многія части ихъ побережья открыты для нападающихъ, и японцы и нѣмцы легко могли бы высадить армію около Нью-Іорка или Бостона. Sed cui bono? Стратегическія и географическія условія таковы, что непріятельскія арміи могутъ занять извѣстныя области, и больше ничего. Въ этомъ могли убѣдиться англичане во время войны за независимость. Отдаленность европейской базы является также препятствіемъ для успѣха подобныхъ начинаній.

Съ другой стороны, неуязвимость Америки мѣшаетъ ей стать виднымъ факторомъ европейской политики. Если европейскія націи не могутъ угрожать ей военной силой, то и она не въ состояніи сдѣлать это по отношенію къ нимъ. Если до сихъ поръ подобное положеніе считалось ею благословеннымъ состояніемъ, которое позволяло американцамъ ковать изъ мечей плуги и дѣлать изъ пикъ лопаты и грабли, то оно стало бы причиной ея слабости, какъ только Америка пожелала бы принять участіе въ рѣшеніи міровыхъ задачъ.

Какъ ни странно, но международное положеніе и равновѣсіе силъ между тройственнымъ союзомъ и тройственнымъ согласіемъ, болѣе, чѣмъ собственное положеніе С.-А. Штатовъ, сдѣлали Америку участницей международной политики. Съ тѣхъ поръ, какъ вопросы европейской политики превратились въ во-

просы міровой политики, а азіатскія и африканскія проблемы—въ европейскія, Америка стала факторомъ въ ихъ рѣшеніи.

Наиболѣе своеобразнымъ фактомъ является то обстоятельство, что почти ни одна нація не имѣетъ тѣхъ же самыхъ союзниковъ или враговъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Хотя Англія и Германія готовы каждую минуту броситься другъ на друга, онѣ совмѣстно охраняютъ желѣзнодорожный путь къ Пекину и дѣйствуютъ въ полномъ согласіи въ вопросѣ о китайскихъ займахъ. Разнообразіе интересовъ націй создаетъ такое положеніе, что онѣ не могутъ постоянно довѣрять или не довѣрять другъ другу. Англія, которая нуждается въ помощи Россіи въ Европѣ, не можетъ сопротивляться проникновенію Россіи въ Манчжурію. Германія, споры коей съ Габсбургами и Папою наполняютъ всю исторію Среднихъ вѣковъ, не можетъ нынѣ обойтись безъ ихъ поддержки въ Европѣ. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ Америка не имѣетъ и не имѣла никакого касательства. Не стратегическое и не военное, а экономическое ея положеніе дѣлаетъ Америку необходимой союзницей Франціи и Англіи. Съ другой стороны, не экономическіе интересы, а ея колоніальныя задачи и желаніе играть роль въ міровой политикѣ заставляютъ ее искать сближенія съ Англіей и Франціей. Принять же участіе въ вопросахъ міровой политики Америка можетъ только съ согласія европейскихъ державъ.

Экономическое положеніе Америки, дѣйствительно, весьма вліятельное. Она обладаетъ именно тѣмъ, чего недостаетъ Англіи и Франціи, т. е. неистощимыми естественными средствами и необозримыми простран-

ствами пахотной земли, запасами пищевыхъ продуктовъ, могущими прокормить всю Европу, залежами золота, мѣди, желѣза, серебра, угля и громаднымъ количествомъ хлопка, иными словами, всѣмъ тѣмъ, что необходимо Англіи и Франціи для поддержки ихъ экономическаго положенія. Въ союзѣ съ Америкой онѣ были бы обезпечены отъ недостатка въ пищѣ, отъ возможнаго банкротства и остановки ихъ фабричной дѣятельности. Что бы ни случилось въ Европѣ, Америка можетъ спокойно продолжать производство сырья и всего необходимаго для указанныхъ націй, а что еще важнѣе—служить имъ рынкомъ во время войны.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, кромѣ того, третья финансовая сила въ свѣтѣ. Не только ихъ богатство громадно, но благодаря существующей въ Америкѣ организаціи коммерческаго дѣла, обладаніе капиталами, которые могутъ быть помѣщаемы въ предпріятіяхъ, сосредоточено въ рукахъ сравнительно немногихъ лицъ. Тресты, банки и страховыя общества располагаютъ весьма значительными капиталами. Желательно только, чтобы Германія не получила возможности завязать сношенія съ этими капиталами. Такимъ способомъ она получила бы именно ту финансовую поддержку, которая ей необходима; поэтому крайне важно, чтобы Германія и Америка остались разъединенными. Англія склонна помѣщать свои капиталы въ своихъ же колоніяхъ или въ Америкѣ, благодаря чему для обѣихъ странъ создается и взаимная зависимость, и обоюдная выгода. Англія старалась устранить свои капиталы отъ Германіи и помѣстить ихъ въ такихъ странахъ, гдѣ они не могли

бы подвергнуться уничтоженію войною или захвату. Америка пользуется англійскимъ торговымъ флотомъ для вывоза своихъ продуктовъ. Съ другой стороны, англійскіе и французскіе рынки необходимы Америкѣ для сбыта ея сырья и издѣлій промышленности. Америка не въ состояніи обойтись безъ этихъ рынковъ и не теряетъ надежды заручиться извѣстными преимуществами въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ. Не преувеличивая, можно сказать, что благосостояніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ зависитъ отъ сохраненія ихъ отношеній къ Англіи и Франціи. Англія же и Франція надѣются удержать Америку при себѣ, допуская ея господство надъ Мексиканскимъ заливомъ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не могли помышлять о занятіи областей, лежащихъ вдали отъ нихъ, пока англійскій флотъ господствовалъ на морѣ, а они не обладали никакими морскими силами. Трактатъ Клейтонъ-Бульвера имѣлъ цѣлью предупредить распространеніе вліянія Соединенныхъ Штатовъ въ Центральной Америкѣ безъ согласія Англіи. Но вмѣшательство Германіи въ Венецуэльскія дѣла, при необходимости для Англіи сосредоточить свой флотъ въ Ламаншѣ и невозможности поэтому отрядить значительныя силы въ Мексиканскій заливъ, и необходимость, по разнымъ причинамъ, не допускать вторженія Германіи въ Южную и Центральную Америку устранили прежнія возраженія Англіи и Франціи противъ распространенія вліянія Соединенныхъ Штатовъ въ западномъ полушаріи. Испано-американская война дала Сѣверо-Американскимъ Штатамъ возможность захватить испанскія колоніи въ ущербъ

намѣреніямъ Германіи. Результатомъ этой войны, одобренной Англіей, явилось мирное проникновеніе Соединенныхъ Штатовъ въ Мексику и Центральную Америку. Возможность дальнѣйшаго германскаго вмѣшательства была почти устранена, и Соединенные Штаты, очевидно, не безъ согласія Англіи и Франціи, получили возможность добиться преобладающаго вліянія въ Мексиканскомъ заливѣ. Кромѣ того, Штаты создали себѣ стратегическую опору на Филиппинахъ.

Послѣ того Америка могла приступить къ сооруженію Панамскаго канала, чему до тѣхъ поръ препятствовали и Франція и Англія. Осуществленіе пангерманскихъ плановъ и возможность появленія препятствій на ея морскомъ пути чрезъ Средиземное море и Суэцъ примирили Англію съ Панамскимъ каналомъ, потому что она стала разсматривать его, какъ новую военную дорогу, которою она могла бы пользоваться для сообщенія со своими дальневосточными владѣніями. Пока Англія и Соединенные Штаты господствуютъ въ Мексиканскомъ заливѣ и на островахъ Тихаго океана, до тѣхъ поръ эти пути для нихъ безопасны. Даже если бы Германіи удалось осуществить свои грандіозные планы, Англія могла бы со своими союзниками бороться съ германской торговлей благодаря Панамскому каналу. Англія не теряетъ также изъ вида значенія Филиппинскихъ острововъ для отстраненія Германіи отъ о. Целебеса. Если бы Германія двинулась на Голландію, то союзники несомнѣнно заняли бы Целебесъ для контроля надъ путями, ведущими изъ Индіи въ Китай, Японію и въ Европу. Присоединеніе С.-А. Штатовъ къ Англіи и Франціи имѣло бы въ этомъ случаѣ громадное

значеніе. Они уже занимаютъ на Дальнемъ Востокѣ видное положеніе, и если европейскія державы будутъ преслѣдовать планы дальнѣйшаго вмѣшательства въ китайскія дѣла, то Сѣверо-Американскіе Штаты могутъ быть призваны тамъ къ активной роли, какъ сильный морской факторъ коалиціи.

Необходимо признать, что С.-А. Штаты до сихъ поръ являются только возможнымъ факторомъ въ международныхъ событіяхъ. Доколѣ захватъ власти въ Мексикѣ или въ Центральной Америкѣ не представляется абсолютной необходимостью, до тѣхъ поръ Соединенные Штаты не будутъ принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что они будутъ стараться держать открытымъ Атлантическій морской путь и охранять, по возможности, англійскій торговый флотъ. Задача же эта не маловажна, и если Соединенные Штаты не будутъ объ ней заботиться, то могутъ произойти весьма пагубныя послѣдствія для заинтересованныхъ сторонъ.

XI.

ПЕРВЫЯ НЕУДАЧИ.

Неудачи германскихъ плановъ въ Южной Африкѣ Южной Америкѣ обратили взоры Германіи на Ма-кко. Стратегическое значеніе Марокко нельзя от-цать, такъ какъ сѣверная его часть прилегаетъ Гибралтарскому проливу. Вмѣстѣ съ Тунисомъ и жиромъ, Марокко обезпечиваетъ положеніе Фран-и въ Африкѣ. Марокко само по себѣ занимаетъ ощадь, которая больше нынѣшней территоріи Гер-нской имперіи. Вывозъ и ввозъ Марокко довольно ачительны и исчисляются каждый приблизительно 15 милліоновъ долларовъ въ годъ; населеніе же сьма не густое, достигающее не болѣе 5 милліоновъ шъ. При отсутствіи у мѣстнаго населенія иниціати-для использованія почвы, Марокко рисовалось оманцамъ какъ выгодное поле для колонизаторской ятельности. Нѣмцы старались возстанавливать на-неніе противъ французскаго владычества, но, въ ду противодѣйствія французовъ, они должны были

убѣдиться въ томъ, что мирное проникновеніе
Марокко все таки не легкое дѣло. Въ 1911 г. нѣ
сдѣлали рѣшительную попытку вмѣшаться въ
роккскія дѣла посылкою крейсера «Пантеры» въ А
диръ. Выдвинутый Германіею предлогъ защиты е
пейцевъ въ Агадирѣ былъ слишкомъ прозрач
чтобы обмануть кого бы то ни было. Европейц
было мало въ Марокко, и они совсѣмъ не находил
въ опасномъ положеніи. Истинной причиной дѣйс
Германіи было ея нежеланіе допустить монопо
Франціи и Англіи въ Марокко. Вообще Герма
отрицала право другихъ націй заключать ка
либо сдѣлки между собою о раздѣлѣ земного ш
въ которыхъ она не могла бы сама также участвов
На случай отказа Франціи и Англіи допустить е
участію въ Мароккскихъ дѣлахъ, она требо
уступки Франціею участка земли, которымъ было
увеличено ея Камерунское владѣніе. Этотъ учас
составлялъ часть французскаго Конго и прево
дилъ по своей цѣнности его территоріальную площ
такъ какъ, прилегая къ Конго, онъ предоставл
Бельгіи доступъ къ ея Африканскимъ владѣні
Германія могла бы, такимъ образомъ, отрѣзать Б
гію отъ моря и заставить ее пойти на уступки. Кр
того, Германія имѣла свѣдѣнія о существовавш
между Англіей и Франціей соглашеніи, но не зн
въ точности его содержанія.

Своими рѣшительными дѣйствіями въ Агад
Германія разсчитывала выяснить положеніе и пр
рить силу и значеніе англо-французскаго соглаше
Германія добилась своей цѣли, такъ какъ выступл
Англіи доказало ей, что соглашеніе это не б

ключительно оборонительнаго характера и что оно
салось не только защиты интересовъ указанныхъ
анъ на сѣверѣ Европы. Поддерживаемое Англіею
взрывомъ народнаго энтузіазма, французское ми-
стерство поставило Германію передъ дилеммой—ли-
отказаться отъ своихъ требованій, либо начать
йну. Въ Германіи настроеніе было весьма воин-
енное, и даже самые уравновѣшенные изъ прибли-
нныхъ къ императору совѣтовали предпринять
монстрацію противъ французской границы, болѣе
цѣлью провѣрить скорость французской мобили-
ціи, чѣмъ съ серьезнымъ намѣреніемъ воевать. На-
ревались-ли императорскіе совѣтники дѣйствитель-
готовиться къ худшему, или нѣтъ, во всякомъ
учаѣ германское правительство приложило всѣ
ранія для реализаціи необходимыхъ денегъ въ
рлинѣ съ цѣлью финансированія мобилизаціи
міи.

Тогда обнаружилось то, что удивило не только
льшинство самихъ нѣмцевъ, но и многихъ другихъ.
азалось, что германскія торговыя сдѣлки соверша-
сь главнымъ образомъ на капиталы, которые были
яты за границею, и что нѣмецкіе банкиры и купцы
столько расширили свои заемныя операціи, что
ь ли не 90% всѣхъ германскихъ предпріятій за-
сѣли отъ займовъ, которые были гарантированы
Лондонѣ и Парижѣ. Въ моментъ самаго остраго
пряженія международнаго положенія были пред-
нятъ тѣми немногими лицами, которыми контро-
руется финансовое движеніе означенныхъ капи-
овъ, шаги для обратнаго требованія выданныхъ
дъ. Готовая наличность отхлынула изъ Германіи,

и многіе коммерческіе дѣятели были принуждены к продажѣ цѣнностей для покрытія своихъ обяз тельствъ. Такимъ образомъ чуть не была вызва финансовая паника въ Германіи, и не оказалось д негъ для начатія войны. Германія опять обратила къ французскимъ и англійскимъ банкирамъ, но п лучила отвѣтъ, что условіемъ полученія денегъ до женъ быть отказъ отъ военныхъ замысловъ. Тог императоръ обратился къ американскимъ банкирам но получилъ такой же отвѣтъ. Такъ обнаружила финансовая сила Англіи и Франціи и значеніе общн сти ихъ интересовъ съ Америкой, Германія же потер пѣла пораженіе.

Германія постаралась извлечь изъ создавшагос положенія, что только могла. Она обезпечила себ извѣстную часть территоріи, прилегающей къ Кам руну, однако, ей пришлось согласиться на болѣ широкій контроль Франціи въ Марокко, чѣмъ раньш Одновременно Франція и Англія постарались да возможное удовлетвореніе Испаніи, чтобы изъят ее изъ-подъ германскаго вліянія.

Успѣхъ въ Марокко, т.-е. очевидное доказатель ство того, что финансовое положеніе Германіи не по воляло ей въ данную минуту начать войну, поощрил тройственное согласіе къ дѣйствіямъ въ Персіи, гд положеніе приняло благопріятный для Германіи об ротъ. Персія представляетъ жизненный интересъ дл Россіи и Англіи, и ни та, ни другая не можетъ допу стить тамъ посторонняго вліянія. Не менѣе опасным для нихъ является попытка созданія сильнаго цен тральнаго правительства, которое пожелало бы исклю чить всѣхъ иностранцевъ и высвободить Персію из

подъ финансовой опеки Англіи и Россіи. Каждый шагъ, сдѣланный новымъ Персидскимъ правительствомъ къ упроченію своего положенія, означалъ бы ослабленіе отношеній, установленныхъ англо-русскимъ соглашеніемъ. Поэтому Шустеру и его сотрудникамъ пришлось покинуть Персію. Какъ въ Марокко, такъ и въ Персіи, вмѣшательство Германіи дало только поводъ къ усиленію положенія ея соперниковъ. Произошла также нѣкоторая задержка въ постройкѣ Багдадской дороги, практическое значеніе коей ограничивалось въ то время экономическимъ развитіемъ Малой Азіи.

Опасность движенія въ Египтѣ и слабость тамошняго военнаго положенія Англіи не могла ускользнуть отъ вниманія С. Джэмскаго кабинета. Этимъ была вызвана посылка въ Египетъ лорда Китченера, съ цѣлью противодѣйствія распространенію вліянія Германіи среди мѣстнаго населенія. Его задача заключалась въ томъ, чтобы убѣдить мѣстное населеніе, что, въ случаѣ проникновенія въ Египетъ нѣмцевъ или ихъ союзниковъ, Египту пришлось бы испытать на себѣ болѣе тяжелый режимъ, чѣмъ англійскій. Китченеръ рядомъ реформъ добился упроченія англійскаго режима въ Египтѣ.

Другой успѣхъ Англія достигла въ Индіи. Посѣщеніе королемъ Георгомъ Индіи въ 1911 году (Durbar) разрядило враждебное Англіи настроеніе мѣстнаго населенія, которое разжигалось не безъ участія Германіи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что король лично имѣлъ случай разъяснить мѣстнымъ представителямъ, что Германія или Россія не могли бы предоставить Индіи болѣе легкихъ условій управленія,

чѣмъ тѣ, которыя ей даетъ Англія, и что послѣдняя считается, по возможности, со всѣми пожеланіями населенія, которыя не противорѣчатъ англійскимъ коммерческимъ интересамъ и не подрываютъ оборонительной силы Индіи.

Такимъ образомъ, 1911 годъ далъ неоспоримыя доказательства политическихъ успѣховъ Англіи и Франціи. Всюду имъ удалось успѣшно соперничать съ Германіей и опровергнуть пророчества нѣмцевъ, будто колоніальныя владѣнія Франціи и Англіи должны отпасть благодаря ихъ собственному вѣсу. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько Франція и Англія могутъ казаться слабыми и насколько вообще осуществимы пангерманскіе планы, мы должны признать, что въ 1911 г. эта слабость не обнаруживалась, а возможность успѣха Германіи казалась не близкой.

XII.

УСПѢХЪ ПОСЛѢ НЕУДАЧИ: ТРИПОЛІЙСКАЯ ВОЙНА.

Французы и англичане не были удовлетворены принятыми ими мѣрами для преграждения пути германскимъ планамъ. Дѣйствительно, они успѣли удержать свое, но имъ не удалось воспрепятствовать осуществленію плановъ пангерманизма тѣми средствами, которыя они примѣнили. Необходимо было предпринять для этого что-нибудь болѣе основательное, расшатывающее въ корнѣ нѣмецкіе планы; ихъ же успѣхи въ Персіи и Марокко не шли такъ далеко. Было ясно, что Италія, какъ наименѣе дѣятельный членъ тройственнаго союза, не можетъ ожидать для себя особыхъ выгодъ отъ успѣховъ пангерманизма. Ея ненависть къ Австріи оставалась тою же, а стремленіе Австріи на Балканы, ростъ ея флота и желаніе добиться господства надъ Адріатикой и Эгейскимъ моремъ не могли не внушать итальянцамъ опасеній. Уже Криспи гово-

рилъ въ 1877 г. Бисмарку, что Австрія угрожаетъ восточной границѣ Италіи, и если бы она усилилась въ Адріатикѣ, то Италія попала бы въ тиски и ея безопасность была бы скомпрометирована. Усиленіе Австріи вдоль Иллирійскаго побережья означало бы вторженіе ея въ нежелательную для Италіи область, ибо Тріестъ оказался бы соперникомъ Венеціи, а усиленіе Австріи въ Адріатикѣ привело бы къ столкновенію съ вожделѣніями Италіи подчинить себѣ торговлю въ этомъ морѣ.

Господство надъ Адріатическимъ моремъ являлось для Италіи не менѣе важнымъ вопросомъ, чѣмъ для Австріи, въ виду необходимости обезпеченія свободнаго торговаго пути изъ долины р. По. Кромѣ того, Италія постоянно стремилась къ мирному проникновенію на восточный берегъ Адріатики и имѣла уже значительные интересы въ Албаніи, Скутари и Эпирѣ.

Вожделѣнія Италіи были хорошо извѣстны Франціи и Англіи. Италія пріобрѣла территоріи на побережьѣ Краснаго моря, съ рѣдкимъ населеніемъ и съ почвою и климатическими условіями, мало пригодными для колонизаціи; содержаніе этихъ колоній стоило ей громадныхъ денегъ. Но она давно мечтала объ области, лежащей между Тунисомъ и Египтомъ, которая въ свое время считалась одной изъ наиболѣе плодородныхъ колоній древняго Рима. Еще до объединенія Италіи, Савойскій домъ далъ знать о своихъ желаніяхъ Франціи и Англіи и былъ до извѣстной степени обнадеженъ ими.

Изучивъ положеніе въ Средиземномъ морѣ, Франція и Англія заключили изъ того, что Италія продолжаетъ оставаться въ тройственномъ союзѣ и что

Австрія, очевидно, разсчитываетъ получить изъ добычи Балканы и восточный берегъ Адріатики,—что обѣщанную Италіи долю составляетъ именно Триполи. При этомъ Италія была поставлена въ необходимость ждать осуществленія плановъ ея союзницъ Тогда Франція и Англія стали искать сближенія съ Италіей, обѣщая ей Триполи сейчасъ же, безъ боя и безъ расходовъ. Франція и Англія внушали Италіи, что, если бы она нашла предлогъ войны и была готова сдѣлать видъ, что рѣшается на выступленіе, она могла бы путемъ соглашенія съ Турціей получить Триполи, положеніе котораго онѣ установили бы сообразно своимъ интересамъ; попутно онѣ провѣрили бы и подготовку новой турецкой арміи. Италія же такимъ путемъ вышла бы изъ тройственнаго союза, примкнула бы къ нимъ и содѣйствовала бы усиленію ихъ положенія въ Средиземномъ морѣ. Такъ, не ослабляя своего владычества въ Средиземномъ морѣ, новый союзъ могъ бы настолько быстро и успѣшно увеличить свои силы въ Ламаншѣ, что на цѣлый рядъ лѣтъ германскій флотъ былъ бы превзойденъ численностью. Съ переходомъ Триполи въ руки Италіи потеряли бы, до извѣстной степени, свое значеніе и планы Австро-Германіи относительно конфедераціи государствъ отъ Нѣмецкаго моря до Персидскаго залива. Покуда Порта, хотя бы номинально, владѣла Триполи, зависимость Турціи отъ Германіи и Австріи могла бы легко имѣть послѣдствіемъ занятіе Триполи турецкой арміей подъ руководствомъ нѣмцевъ; Германія могла бы создать себѣ такимъ путемъ доступъ въ Тунисъ и Египетъ. Если же Италія владѣетъ Триполи, то Германія можетъ занять его только силой.

Поэтому Триполи связывалъ Италію съ Англіей и Франціей.

Италія плѣнилась этими предложеніями и, къ изумленію Германіи и Австріи, двинулась на Триполи. Младо-турецкое правительство заявило, что оно не допуститъ расчлененія Турціи. Эта настойчивость младотурокъ и помощь, обѣщанная имъ Германіей, лишили Францію и Англію возможности обезпечить Италіи пріобрѣтеніе новой колоніи только путемъ дипломатическаго и финансоваго воздѣйствія. Франція и Англія не могли оказать Италіи дѣйствительной помощи. Обнаружилось враждебное настроеніе среди мѣстнаго мусульманскаго населенія, и Англія и Франція поняли, что болѣе осязательная съ ихъ стороны поддержка Италіи неминуемо должна будетъ отразиться волненіями среди мусульманскаго элемента въ Индіи и въ другихъ протекторатахъ. Италія же была принуждена воевать. Тогда ей были сдѣланы предложенія изъ Берлина: если бы она вернулась въ лоно тройственнаго союза, старые друзья обѣщали ей пріобрѣтеніе новой колоніи безъ особыхъ жертвъ; при этомъ нѣмцы указывали на слабость Англіи и Франціи. Англичане, надѣясь на Италію, ослабили свое положеніе въ Средиземномъ морѣ, между тѣмъ какъ Франція не успѣла еще усилить тамъ свой флотъ. Австро-итальянскій флотъ могъ предупредить, при этихъ условіяхъ, нападеніе англійскаго и французскаго флотовъ, а захватъ Триполи Италіей означалъ бы усиленіе положенія Австріи и Германіи въ Средиземномъ морѣ. Мальта и Суэцъ утратили бы свое значеніе благодаря Триполи; кромѣ того, подъ предлогомъ войны явилась

бы возможность занять и Эгейскіе острова, гдѣ союзники могли бы создать опорные пункты.

Въ Римѣ воспользовались этими предложеніями, и Италія достигла желаннаго. Для вида она потопила нѣсколько турецкихъ судовъ и стала затѣмъ занимать острова въ Эгейскомъ морѣ. Созданіе новой морской базы въ Триполи и пріобрѣтеніе стратегическихъ пунктовъ въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря однимъ изъ членовъ тройственнаго союза отняло у Англіи господство надъ Средиземнымъ моремъ и отбросило ее за Мальту. Хотя планъ захвата Средиземнаго моря не долженъ былъ, собственно говоря, предшествовать занятію союзниками Балканъ и Турціи, но Германія и Австрія не могли не воспользоваться представившимся для нихъ столь удобнымъ случаемъ.

Перемѣна фронта Италіи привела къ прекращенію военныхъ дѣйствій между нею и Турціей, хотя младотурки отказывались вывести войска изъ Триполи. Союзники объ этомъ особенно не сожалѣли, такъ какъ получалось впечатлѣніе готовности Италіи къ дѣйствительнымъ военнымъ мѣропріятіямъ на Триполійскомъ побережьѣ и на караванныхъ путяхъ къ Египту.

XIII.

ПОСЛѢДСТВІЯ ТРИПОЛІЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Одновременно съ окончаніемъ Триполійской войны возсоединенный тройственный союзъ сталъ продолжать осуществленіе намѣченныхъ плановъ. Германская, австрійская и итальянская морскія программы были расширены, предположенный къ постройкѣ германскій флотъ былъ почти приравненъ къ проектированному размѣру англійской эскадры въ Ламаншѣ, а австро-итальянскій уже почти сравнялся съ французскимъ. При дальнѣйшемъ усиленномъ строительствѣ, союзники надѣялись достичь черезъ нѣсколько лѣтъ равновѣсія, если не перевѣса, морскихъ силъ какъ въ Средиземномъ, такъ и въ Нѣмецкомъ моряхъ. Положеніе настолько измѣнилось, что Англіи и Франціи было бы нелегко въ критическій моментъ обойтись только перетасовкою имѣющихся въ ихъ распоряженіи наличныхъ морскихъ силъ.

Нѣмцы считали, что Франція и Англія стремились къ отторженію Италіи отъ тройственнаго союза

главнымъ образомъ по той причинѣ, что онѣ разочаровались будто бы въ возможности продолжать соревнованіе по судостроительству. Усиленіе Средиземнаго флота союзомъ съ Италіей дало бы англичанамъ возможность увеличить свою эскадру въ Ламаншѣ безъ новыхъ затратъ. Новый оборотъ дѣлъ въ Средиземномъ морѣ измѣнилъ положеніе въ пользу тройственнаго союза. Усиленіе Средиземнаго флота означало бы ослабленіе при такихъ условіяхъ Атлантическаго флота Англіи и не требовало бы увеличенія германскихъ морскихъ силъ для соревнованія съ англійскимъ флотомъ. Этого момента только и ждали союзники. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы учитывали возможность скорой мобилизаціи и удобства своихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній по направленію къ бельгійской и русской границамъ. Багдадская дорога подвигалась впередъ быстрыми шагами, германскіе инструкторы и дѣятели, работавшіе въ Константинополѣ въ цѣляхъ реорганизаціи Турціи, были отозваны въ Европу, и императоръ Вильгельмъ началъ объѣздъ монарховъ, отъ которыхъ можно было чего-либо добиться или коихъ надо было бояться. Въ Англіи и Франціи были очень обезпокоены этими симптомами, но не рѣшались открыто объ этомъ заявлять, опасаясь произвести неблагопріятное впечатлѣніе на англійское и французское общественное мнѣніе, поколебать народное довѣріе къ національнымъ силамъ, или вызвать взрывъ негодованія, который могъ бы привести къ нежелаемой войнѣ. Заявленіе Черчиля объ уменьшеніи морской программы соразмѣрно съ сокращеніемъ германскаго судостроительства было понято нѣмцами, какъ признакъ слабости

Англіи. Но одновременно въ Англійскомъ парламентѣ стали раздаваться голоса, что Англія должна возстановить свое морское превосходство. Въ Германіи и Австріи это подтвердило лишь мнѣніе о мнимомъ упадкѣ вліянія Англіи, и даже во Франціи нѣкоторые органы печати стали писать о паденіи англійскаго морского преобладанія. Тогда послѣдовало обсужденіе франко-англійской морской программы въ Средиземномъ морѣ, и англійскій и французскій морскіе штабы приняли въ 1912 г. важныя рѣшенія. Тѣмъ временемъ успѣхи Китченера въ Египтѣ, результаты путешествія короля Георга въ Индію и дѣла въ Персіи снова обнадежили тройственное согласіе.

Англійскія колоніи восторженно отозвались на призывъ Англіи помочь ей. Англія приступила къ реорганизаціи своего морского управленія. Франція офиціально согласилась на проведеніе системы «two power standart» въ Средиземномъ морѣ, т.е. на содержаніе флота, который могъ бы явиться противовѣсомъ противъ соединенныхъ итальянской и австрійской эскадръ. Нейтралитетъ Испаніи былъ купленъ уступками въ Марокко, а Россія, обезпокоенная возможностью утратить свое положеніе въ Балтійскомъ морѣ, заключила морскую конвенцію съ Франціей.

Но наиболѣе важнымъ явился проектъ транс-персидской желѣзной дороги, принятый Россіей, Франціей и Англіей. Этотъ путь былъ намѣченъ въ южномъ направленіи отъ Тегерана на Буширъ, чрезъ англійскую зону и вдоль побережья Персидскаго залива до Карачи. Несомнѣнно русская армія могла бы такимъ путемъ легко проникнуть къ Квэт-

тѣ и почти упразднить значеніе англійскихъ укрѣпленій, существующихъ на индійской границѣ противъ Россіи. Принятіе этого плана означало для Англіи отказъ отъ ея политики изоляціи Индіи посредствомъ недопущенія сухопутнаго съ нею сообщенія. Англія была готова пожертвовать преимуществами своего положенія относительно Индіи, такъ какъ этотъ проектъ давалъ ей возможность создать военно-стратегическую дорогу на случай, если бы Германіи съ ея союзниками удалось получить въ свои руки господство надъ Средиземнымъ моремъ. Новая дорога могла бы помѣшать нѣмцамъ использовать Багдадскій путь и Персидскій заливъ, какъ подходы къ Индіи. Кромѣ того, пока Англія находится въ согласіи съ Россіей, она могла бы этимъ путемъ скорѣе, чѣмъ чрезъ Панамскій каналъ и Тихій океанъ, усиливать свою армію въ Индіи. При захватѣ же Австро-Германіей господства въ Средиземномъ морѣ, Англія и Россія могли бы легко противодѣйствовать попыткамъ Германіи вторгнуться въ Индію. Англія желаетъ сохранить Индію, Россія мечтаетъ о ней, но обѣ эти державы предпочли бы видѣть Индію въ рукахъ одной изъ нихъ, чѣмъ допустить туда Германію. Подобное расширеніе Германіи грозило бы серьезнѣйшей опасностью не только для Англіи, но и для Россіи.

Англійское министерство признало возможную опасность отъ проведенія новаго пути менѣе важною для Индіи, чѣмъ его значеніе, какъ военной мѣры противъ Германіи. Дорога идетъ чрезъ англійскую территорію и, слѣдуя берегомъ, находится подъ охраною англійскаго флота; кромѣ того, она не прибли-

зила бы Россіи болѣе тѣсно къ Индіи, такъ какъ изъ Герата и теперь видна русская желѣзнодорожная станція, а Гератъ считается ключемъ къ Индіи. Но Россія и не помышляетъ объ Индіи, пока она нуждается въ помощи Франціи и Англіи противъ Германіи. Вопросъ о сооруженіи военнаго сухопутнаго пути въ Индію давно уже обсуждался, о немъ думалъ даже Наполеонъ I. Для Англіи трансперсидская дорога, собственно говоря, нежелательна, но она является для нея наименьшимъ зломъ.

Все это показываетъ, насколько Англія зависитъ отъ своихъ союзниковъ и въ какой степени она должна довѣрять имъ. Кромѣ того, отсюда явствуетъ, какое серьезное значеніе Англія придаетъ возможности осуществленія плановъ о германскомъ господствѣ въ Средиземномъ морѣ и на Суэцкомъ каналѣ.

XIV.

БАЛКАНСКІЙ КРИЗИСЪ.

Успѣхъ Триполійской войны, какъ способа отторженія территорій отъ Турціи и устраненія Франціи и Англіи, безъ примѣненія насильственныхъ мѣръ, отъ участія въ измѣненіи положенія вещей въ Средиземномъ морѣ, внушилъ государственнымъ дѣятелямъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ мысль о Балканской войнѣ. Турція не хотѣла уступить Италіи Триполи; младотуркамъ казалось, что если они будутъ принуждены къ уступкѣ въ этомъ вопросѣ, то автономія Турціи будетъ навсегда утрачена и всѣ ихъ усилія оздоровленія Турціи окажутся тщетными. Тройственный союзъ нуждался въ рычагѣ, чтобы изъять Триполи изъ рукъ Турціи безъ примѣненія съ своей стороны насильственныхъ мѣръ. Кромѣ того, было необходимо, чтобы младотурки не прибѣгли къ государственному перевороту и не ускользнули изъ рукъ Германіи и Австріи, перейдя на сторону тройственнаго согласія. Наилучшимъ способомъ осуществленія по-

добнаго плана явилась Балканская война. Военныя дѣйствія могли бы быть предприняты государствами, отношенія которыхъ къ Турціи были всегда натянуты и взаимные споры которыхъ могли оправдать въ глазахъ Европы призывъ къ оружію. Турки оказались бы между двумя огнями; въ случаѣ войны въ Европѣ и Африкѣ, обладая только одной арміей, они были бы поставлены передъ выборомъ—либо удержать Триполи подъ страхомъ потерпѣть неудачу въ Европѣ, либо, заключивъ миръ съ Италіей и уступивъ ей Триполи, сохранить свое положеніе въ Европѣ. Моментъ казался удобнымъ для попытки осуществленія Балканской федераціи, отъ созданія коей зависитъ конечный успѣхъ пангерманскихъ плановъ; вмѣшательство же Франціи и Англіи до возстановленія ихъ преобладанія въ Средиземномъ морѣ являлось весьма сомнительнымъ. Нѣмцы учли это и были увѣрены, что Англія не пойдетъ на рискъ, разъ всѣ шансы противъ нея. Надѣясь на возможность свободы дѣйствія, они и сочли моментъ благопріятнымъ, чтобы приступить къ переустройству юго-восточной части Европы.

Программа была провозглашена Австріей, которая проводила принципъ децентрализаціи Турціи, одобренный на Берлинскомъ конгрессѣ, но не приведенный еще въ исполненіе. Задача состояла въ томъ, чтобы приступить къ раздѣлу Турціи провозглашеніемъ независимости Албаніи и Македоніи и путемъ образованія новаго государства изъ обломковъ Турціи въ Европѣ. Эти три государства могли бы, вмѣстѣ съ Румыніей, Болгаріей, Сербіей, Черногоріей и, можетъ быть, Греціей, образовать новую федерацію, зани-

мающую область между австрійской и русской границами и Средиземнымъ и Эгейскимъ морями. Мысль о такомъ балканскомъ союзѣ зародилась у тройственнаго союза, судя по мемуарамъ Криспи, уже въ 1889 г. Турецкая же имперія должна была бы перенести свою резиденцію въ Малую Азію и быть тѣсно связана съ Германіей и Австріей, а если бы это не оказалось осуществимымъ, то она должна была бы быть привязана къ новой федераціи такими узами, которыя практически лишали бы ее контроля надъ ея управленіемъ и финансами. Австрія должна была обезпечить себѣ Салоники, какъ морскую базу для господства надъ Эгейскимъ моремъ и восточнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Союзники разсчитывали на то, что легкій военный натискъ Балканскихъ государствъ на Турцію заставитъ ее уступить Триполи, удалить младотурокъ отъ власти и вернуть старую турецкую бюрократію, столь покорную Германіи и Австріи. Въ свою очередь Берлинскій трактатъ могъ бы быть, по расчету австро-германцевъ, истолкованъ въ томъ смыслѣ, что великія державы, собственно говоря, уже дали свое согласіе на новую организацію, что поэтому никакого конгресса не требуется и исполненіе постановленій акта 1878 г. можетъ только удовлетворить всѣхъ. Иронія положенія заключалась бы въ томъ, что Германія и Австрія получали какъ бы согласіе самихъ турокъ на ихъ уничтоженіе, не покоривъ ихъ еще. Такъ было бы достигнуто осуществленіе пангерманскаго плана. Конечно, оставалось бы еще многое завершить, но фактически дѣло пангерманизма было бы сдѣлано.

Съ приведеніемъ въ исполненіе этого рѣшенія нѣмцамъ надо было однако спѣшить въ 1912 г. Возможность кончины Франца-Іосифа ожидалась чуть ли не каждый мѣсяцъ; это событіе повлекло бы за собою распаденіе Австріи, а Германіи было необходимо начать дѣйствовать, пока Австрія могла быть использована ею, какъ дѣеспособная союзница. Въ противномъ случаѣ, если бы Францъ-Іосифъ умеръ, Германіи пришлось бы потратить время на возстановленіе Австріи. Планъ трансперсидской дороги, принятый Англіей, Франціей и Россіей, доказывалъ Германіи, что ей нельзя мѣшкать, ибо тогда Германія утратила бы навсегда надежды на Индію, входящую въ кругъ пангерманскаго плана. Другой путь на Востокъ, а именно, Панамскій каналъ, также близился къ окончанію въ 1914 году. Попытка начать дѣйствовать не внушала нѣмцамъ особыхъ опасеній, а возможныя выгоды были несомнѣнны. Итакъ, союзники рѣшили приступить къ дѣлу.

Балканскія государства, поощряемыя къ войнѣ изъ Берлина и Вѣны, были удивлены, получивъ подобные же намеки изъ Лондона, Парижа и Петербурга. Тройственному согласію казалось, что именно на Балканахъ можетъ быть поставлена преграда пангерманскимъ планамъ. Балканскія народности ненавидѣли Австрію по расовымъ и религіознымъ причинамъ и стремились къ національной независимости, создавая постоянныя препятствія попыткамъ сліянія ихъ съ тройственнымъ союзомъ и представляя такимъ образомъ благопріятную почву для дѣйствій его враговъ. Захватъ же стратегическаго положенія на Балканскомъ полуостровѣ въ цѣляхъ господства

надъ всѣми путями между Европой и Малой Азіей, Эгейскимъ и Адріатическимъ морями являлся настолько важнымъ условіемъ для пангерманизма, что послѣднему не могъ быть нанесенъ болѣе тяжелый ударъ, чѣмъ созданіе Балканскаго союза подъ эгидой тройственнаго согласія. Чѣмъ сильнѣе былъ бы этотъ союзъ, тѣмъ большимъ препятствіемъ онъ явился бы на путяхъ пангерманизма.

Балканскія государства настолько же мало желали быть впутаны въ соглашенія съ тройственнымъ согласіемъ, насколько они сторонились и отъ тройственнаго союза. Но будучи воодушевлены патріотическими цѣлями и стремясь къ независимости, они тѣмъ самымъ работали въ руку тройственному согласію, потому что послѣднее не нуждается въ подчиненіи своему господству Балканскихъ государствъ. Положеніе тройственнаго согласія въ Средиземномъ морѣ должно было выиграть, если Балканскія народности не подпадутъ полному вліянію тройственнаго союза. Кромѣ того, съ точки зрѣнія Англіи и Франціи, которыя въ этомъ отношеніи не всегда довѣряли своей союзницѣ Россіи изъ-за ея плановъ и вожделѣній въ Черномъ морѣ, казалось, что чѣмъ сильнѣе и независимѣе будетъ Балканскій союзъ, тѣмъ спокойнѣе онѣ сами могутъ быть на счетъ Россіи. Въ то же время обѣ эти державы поняли, насколько Триполійская война измѣнила ихъ собственные взгляды на Турцію. Ихъ прежнее сопротивленіе занятію Россіей Константинополя основывалось на желаніи удалить изъ бассейна Средиземнаго моря всѣхъ возможныхъ соперниковъ; но потеря Триполи и Турціи, попавшихъ въ руки ихъ враговъ, и страхъ созданія Балканскаго

союза подъ германо-австрійскимъ протекторатомъ разсѣяли ихъ возраженія противъ появленія Россіи въ Константинополѣ. Если бы имъ и пришлось имѣть соперника въ тѣхъ моряхъ, то лучше, чтобы таковымъ была Россія, а не тройственный союзъ. Вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ явилось бы навсегда гарантіей неудачи пангерманизма и предохранило бы Марокко, Индію и даже Англію отъ германской опасности; въ Черномъ морѣ Россія была бы въ состояніи создать эскадру, которая могла бы, въ случаѣ необходимости, выходить изъ проливовъ и нападать на австро-итальянскій флотъ, дѣйствующій въ Адріатикѣ или у береговъ Триполи. Положеніе Россіи на Балканахъ заставило бы Германію и Австрію занять оборонительную позицію. Наконецъ, независимый Балканскій союзъ охранялъ бы проливы отъ Австріи и, вопреки всѣмъ соглашеніямъ, господствовалъ бы надъ ними. Съ другой стороны, въ случаѣ удачнаго исхода войны турки могли бы быть удалены изъ Константинополя, а если бы оказалось цѣлесообразнымъ оставить ихъ тамъ, то султанъ могъ бы быть принужденъ образовать калифатъ въ Египтѣ или Аравіи съ тѣмъ, чтобы управлять магометанскимъ населеніемъ въ англійскихъ и французскихъ владѣніяхъ. Послѣднее обстоятельство могло бы способствовать успокоенію религіознаго движенія среди мусульманъ и отнятію у нѣмцевъ предлога къ попыткамъ возбужденія священной войны. Кромѣ того, въ виду стремленій нѣмцевъ къ измѣненію положенія вещей въ юго-восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, представлялось бы весьма существеннымъ занятіе Константинополя однимъ изъ членовъ

тройственнаго согласія, чтобы навсегда покончить съ номинальной независимостью Турціи.

Балканскія государства съ трудомъ вѣрили подобнымъ внушеніямъ, но они были ослѣплены заманчивостью представлявшихся имъ перспективъ. Имъ казалось, что моментъ благопріятенъ для того, чтобы избавиться отъ навязчиваго попечительства обѣихъ коалицій и добиться отъ турокъ, безъ особыхъ затрудненій, своей полной независимости и свободы своихъ родичей въ Оттоманской имперіи, доколѣ ни та, ни другая группа державъ не намѣрена оказывать дѣйствительной поддержки Турціи. Пока Турція была «больнымъ человѣкомъ» Европы, поддерживаемымъ державами въ виду его немощи, турецкое господство въ Македоніи и Албаніи было чисто номинальнымъ, и гнетъ турецкаго правленія сводился къ притѣсненіямъ со стороны турецкихъ солдатъ. Какъ сосѣдъ же номинально независимыхъ Балканскихъ государствъ, «больной человѣкъ» сталъ для нихъ менѣе опаснымъ, и его немощь гарантировала имъ ихъ собственную безопасность. Усиленіе же Турціи, будь то младотурками или нѣмцами, отдаляло возможность достиженія Балканскими государствами ихъ полной независимости, къ которой они пламенно стремились. По мѣрѣ улучшенія турецкаго управленія должны были бы смолкать жалобы этихъ государствъ, которыми могло быть оправдано ихъ требованіе избавленія отъ турецкаго режима.

Моментъ, казавшійся съ точки зрѣнія обѣихъ коалицій выгоднымъ для начатія войны, явился таковымъ и для Балканскихъ государствъ. Турція была въ войнѣ съ Италіей; турецкая армія находи-

лась въ Африкѣ и должна была оставаться тамъ, пока итальянскій флотъ владѣлъ моремъ; кромѣ того, Балканскія государства были увѣрены въ томъ, что Турція окажетъ имъ только номинальное сопротивленіе; война была бы при такихъ условіяхъ лишь театральнымъ эффектомъ. Сама Турція была раздѣлена на два лагеря: на партію, желавшую дѣйствовать заодно съ Германіей, и на младотурокъ, опасавшихся упустить время, чтобы возстановить полную независимость Турціи. Балканскія государства были снабжены «ихъ друзьями» оружіемъ, деньгами и стратегическими средствами и могли, такимъ образомъ, начать военныя дѣйствія при наилучшихъ условіяхъ.

Такъ Балканскія государства и начали войну съ удивившей Европу энергіей и закончили ее въ самое короткое время. Первымъ ея результатомъ явился миръ между Турціей и Италіей, давшій послѣдней Триполи. Дальнѣйшія же послѣдствія явились вполнѣ неожиданными. Война была слишкомъ реальной, а не только показной. Для Балканскихъ государствъ было нежелательно уничтожить вполнѣ турецкую армію, созданную нѣмцами для защиты Константинополя и Багдадской дороги; тройственное же согласіе, казалось, было склонно временно предоставить Константинополь и проливы Балканскимъ государствамъ. Турки не успѣли еще опомниться отъ нанесеннаго имъ удара, а въ Вѣнѣ и Берлинѣ не оправились еще отъ неожиданности событій, какъ болгары стали уже подвигаться къ Константинополю, а ихъ союзники спѣшили закрѣпить на югѣ и западѣ успѣхъ военныхъ дѣйствій. Балканскимъ государствамъ стало ясно, что насталъ моментъ для торговъ

съ великими державами, и они были увѣрены, что они могутъ разсчитывать на наиболѣе выгодныя условія со стороны тройственнаго согласія, что касается тройственнаго союза, то они могли ожидать отъ него только полученія большей самостоятельности въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Въ дѣйствительности же пангерманизмъ разсчитывалъ на подчиненіе себѣ Балканскихъ государствъ, между тѣмъ какъ сокрушеніе пангерманизма тройственнымъ согласіемъ зависѣло отъ того, въ какой степени Балканскія государства могутъ высвободиться изъ-подъ австро-германскаго вліянія. Фактъ, что Россія могла удовлетвориться полученіемъ свободнаго прохода чрезъ проливы, не угрожая Балканскимъ государствамъ, обезпечивалъ имъ бо́льшую гарантію противъ нападенія со стороны Россіи, чѣмъ со стороны Австріи. Кромѣ того, Балканскія государства нуждались въ денежной помощи, на которую они не могли больше разсчитывать изъ Берлина и Вѣны.

Какъ бы то ни было, но главныя выгоды войны достались не Балканскимъ государствамъ, а ихъ новымъ союзникамъ, которые избѣгли неудачи въ Триполи. Балканская федерація не стала препятствіемъ на пути пангерманизма, но возстановила въ пользу тройственнаго союза равновѣсіе силъ въ Средиземномъ морѣ. Начавшіеся въ Лондонѣ въ 1912 г. переговоры показали, что предложенія Турціи были не болѣе не менѣе, какъ попытка осуществленія плана тройственнаго союза относительно реорганизаціи юго-восточной части Европы, причемъ Балканскія государства получили бы только обнадеживающія ихъ обѣщанія, Турція оказалась бы въ дѣйстви-

тельности завоеванной, какъ то было заранѣе намѣчено, побѣдители же были бы лишены результатовъ своей побѣды. Затѣмъ Албанія объявила свою независимость, а надежды Сербіи на достиженіе Адріатическаго моря оказались обманутыми. Въ Вѣнѣ считали возникновеніе новой войны болѣе желательнымъ, чѣмъ предоставленіе Албаніи и части Адріатическаго побережья въ пользу Балканской федераціи, которая пользовалась бы поддержкой тройственнаго согласія. Послѣдовали серьезныя дипломатическія представленія, вызвавшія мобилизацію австрійскаго корпуса и Дунайскаго флота. Въ виду этого тройственное согласіе и Сербія предпочли согласиться на независимость Албаніи и предоставить Сербіи доступъ къ Адріатикѣ путемъ нейтрализованной, подъ гарантіей державъ, желѣзной дороги.

Но Балканскія государства настаивали на сокрушеніи турецкой власти въ Европѣ и поддерживались въ этомъ тройственнымъ согласіемъ. Яблокомъ раздора явился Адріанополь. Если Адріанополь не могъ быть спасенъ безъ боя, то Балканскія государства ясно сознавали, что необходимо возобновить войну. Съ другой стороны, потеря его для турокъ безъ боя означала бы неудачу пангерманскихъ плановъ вслѣдствіе образованія преграды между Австро-Германіей и Малой Азіей, благодаря чему нѣмцамъ пришлось бы отказаться отъ Константинополя, Багдадской дороги, господства надъ проливами и торговаго пути на Востокъ; утрата же Константинополя была бы смертельнымъ ударомъ для пангерманизма. Такимъ образомъ, Австрія и Германія позволили Турціи вновь воевать.

XV.

ПАНГЕРМАНИЗМЪ, КАКЪ НАЦІОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНІЕ.

Въ политической жизни народовъ существуетъ иная оцѣнка поступковъ и дѣйствій, чѣмъ та, которая примѣняется къ поведенію отдѣльныхъ личностей. Съ точки зрѣнія обыденной житейской морали пангерманизмъ, разумѣется, никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ. Но безпристрастный наблюдатель усмотритъ въ пангерманизмѣ выраженіе сильной національной воли къ охраненію и укрѣпленію жизни цѣлаго народа. Основа пангерманизма, съ одной точки зрѣнія—ненасытность, съ другой—честолюбіе, но дѣйствительная его причина въ обоихъ случаяхъ—выявленіе національнаго начала. Германія выработала сильное національное самосознаніе, обрѣла національную индивидуальность и стремится обезпечить навсегда дальнѣйшее свое самобытное существованіе. Поэтому пангерманизмъ не что иное, какъ

средство самосохраненія. Кромѣ того, онъ является выраженіемъ твердаго стремленія упрочить экономическое благосостояніе націи. Съ постепеннымъ ростомъ націи возникли новыя экономическія потребности, которыя, въ свою очередь, породили не испытывавшіяся раньше желанія, требующія удовлетворенія и могущія быть удовлетворены лишь путемъ увеличенія народнаго богатства, а это осуществимо только при условіи національнаго расширенія. Въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ европейскія націи движимы тѣми же мотивами, какъ и Германія. Если и допускать существованіе нравственныхъ принциповъ, неизмѣнныхъ и одинаково обязательныхъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для государствъ, то нельзя однако отрицать, что примѣръ прошлаго достаточно доказываетъ, что почти ни одинъ народъ никогда не стѣснялся улучшать всѣми возможными средствами свое экономическое и національное благосостояніе. Если Германія неправа, то и другіе были неправы. Но если мы наблюдаемъ въ настоящее время извѣстную аналогію фактовъ, то нельзя же всетаки слѣпо отнестись къ тому въ высшей степени знаменательному явленію. что нынѣшнее положеніе въ буквальномъ смыслѣ слова не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ міровой исторіи.

Настоящее международное положеніе является результатомъ экономическаго прогресса послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Усовершенствованія въ земледѣліи, промышленности и способахъ передвиженія дали человѣчеству возможность достичь гораздо бо́льшаго, чѣмъ только поддержанія своего существованія. До сей поры немыслимо было содержаніе громадныхъ по чи-

сленности постоянныхъ армій, по той простой причинѣ, что потребное число рукъ не могло было быть оторвано отъ полей, питавшихъ народонаселеніе. Равнымъ образомъ, не существовало достаточныхъ способовъ передвиженія для скораго снабженія этихъ людей пищей и одеждой въ теченіе необходимаго для ихъ обученія времени. Постоянныя арміи, набираемыя изъ сотенъ тысячъ людей, которые посвящаютъ все свое время изученію военнаго дѣла и содержатся за счетъ казны,—явленіе, которое могло возникнуть только благодаря изумительному экономическому прогрессу послѣднихъ 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, и пангерманизмъ является послѣдствіемъ экономическаго развитія въ теченіе XIX столѣтія.

Сравнительно мирное состояніе Европы въ теченіе минувшаго вѣка и успѣхи медицины, равно какъ техническія усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ и обрабатывающей промышленности, въ высшей степени благопріятствовали росту всѣхъ націй, предоставивъ въ ихъ распоряженіе избытокъ въ людяхъ и продуктахъ, которыми онѣ могутъ пользоваться исключительно для военныхъ цѣлей безъ ущерба для остальной части населенія. Кромѣ того, этотъ же европейскій миръ, столь много содѣйствовавшій безпримѣрному до того времени росту населенія и народнаго богатства, создалъ до извѣстной степени то экономическое давленіе, благодаря которому появилась необходимость усиленнаго вывоза произведеній промышленности, поощрившая, въ свою очередь, агрессивные планы Германіи. Россія, Франція, Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты владѣютъ лучшими частями свѣта; всѣ они не могутъ

желать иного, какъ только сохраненія того, что они уже имѣютъ. Поэтому требованіямъ ихъ національнаго существованія и самолюбія наиболѣе отвѣчаетъ продленіе нынѣшняго status quo, между тѣмъ, какъ Германія желаетъ войны. Тройственное согласіе предпочло бы пользоваться въ борьбѣ только экономическимъ и финансовымъ оружіемъ, которымъ оно такъ умѣетъ владѣть и которое у него сильнѣе, чѣмъ у его соперниковъ. Германія же и Австрія, сознавая свои недостатки въ экономическомъ отношеніи, предпочитаютъ воспользоваться для дуэли другого рода оружіемъ, болѣе свойственнымъ имъ, чѣмъ ихъ врагамъ.

Можно сравнить соперничество обѣихъ коалицій со споромъ между искуснымъ фехтовальщикомъ и крестьяниномъ. Первый ставитъ условіемъ драться на рапирахъ, причемъ бойцы должны биться одной рукою и наносить удары только остріемъ, выпадать послѣ должнаго предупрежденія и не тѣснить противника до крайности. При такихъ условіяхъ крестьянинъ обреченъ на пораженіе; онъ хочетъ драться своими кулаками, бить куда попало и сколько угодно, безъ передышки, и продолжать бой до истощенія силъ. Фехтовальщикъ же, глядя на мускулистаго противника, опасается, какъ бы въ подобной борьбѣ ему не устоять, и не рѣшается пуститься въ грубую драку наповалъ; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы дрались, какъ джентльмены, говоритъ о чести, объ этикѣ, о благовоспитанности. Крестьянинъ видитъ во всемъ этомъ только желаніе лишить его извѣстныхъ преимуществъ и поэтому отказывается связать себя соображеніями чести и правилами

морали, которыя обрекаютъ его на гибель. Такъ обстоитъ дѣло и съ обѣими коалиціями: тройственное согласіе, боясь утратить многое, старается избѣжать кулачнаго боя, тройственный же союзъ, хотя и съ небольшой вѣроятностью успѣха, но въ увѣренности выиграть почти все въ случаѣ удачи, гораздо болѣе склоненъ прибѣгнуть къ крайнему рѣшенію. Поэтому онъ считаетъ войну послѣднимъ своимъ шансомъ.

XVI.

ШАНСЫ ПАНГЕРМАНИЗМА.

1.

Внутренняя его слабость.

Успѣхъ пангерманизма зависитъ отъ того, окажется ли справедливой или ошибочной оцѣнка Германіей настоящаго международнаго положенія въ Европѣ. Нѣмцы полагаются на свою силу и на слабость Англіи и учитываютъ совершенство своей административной организаціи, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, имъ уступаютъ всѣ другія страны. Они думаютъ, что въ случаѣ морской побѣды Англія только удержала бы положеніе, которое она имѣетъ теперь; пораженіе же было бы для нея фатальнымъ. Такимъ образомъ, Англія мало, что можетъ выиграть, а они могутъ выиграть все. Это обстоятельство увеличиваетъ, по ихъ словамъ, шансы Германіи. Чтобы захватить нѣмцевъ, англичанамъ пришлось бы прибѣгнуть къ спо-

собамъ сухопутной войны, къ которой они менѣе подготовлены и которая могла бы разыграться только на границѣ между Германіей, Бельгіей и Голландіей.

Нѣмцы считаютъ Россію и Францію неспособными воспользоваться съ необходимой быстротой всѣми своими силами. По всей вѣроятности, найдется также не мало странъ на свѣтѣ, которыя были бы рады присутствовать при ограбленіи Англіи. Несомнѣнно, что планы безвозмезднаго захвата колоніальныхъ областей и факторій, созданныхъ на занятыя деньги, осуществлялись и раньше въ подобныхъ же случаяхъ, къ явному вреду кредиторовъ; но никогда такіе замыслы не были такъ широко задуманы. Средства экономической борьбы, имѣющіяся въ распоряженіи Германіи для нанесенія удара Англіи и Франціи, несомнѣнно значительны, но все-таки существуетъ не мало препятствій для дѣйствительнаго ихъ примѣненія. По мнѣнію нѣмцевъ, ихъ планъ не только исполнимъ, но и убѣдителенъ; теоретически онъ безъ изъяна.

При уясненіи себѣ этихъ грандіозныхъ замысловъ, не слѣдуетъ терять изъ вида, что посторонній наблюдатель можетъ создать себѣ только приблизительное представленіе объ идеѣ всего плана и основаніяхъ, на которыхъ онъ построенъ, не имѣя возможности не только учесть важныя подробности, но и точно судить о дѣйствіяхъ армій и флотовъ и настоящей экономической силѣ всѣхъ заинтересованныхъ странъ. Вниманіе, удѣляемое дипломатами этому вопросу, а также признаки безпокойства и открытыя заявленія касательно угрожающей тройственному согласію опасности, являются доказательствомъ, что общественное мнѣніе въ Европѣ считается съ возможностью осу-

ществленія пангерманскихъ плановъ. Другіе симптомы могутъ быть подмѣчены въ томъ, что уже достигнуто нѣмцами.

Если мы говоримъ объ успѣхѣ пангерманизма, то мы имѣемъ въ виду нѣчто болѣе сложное, чѣмъ тѣ данныя, которыя мы улавливаемъ на первый взглядъ. Пангерманскій планъ заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, мысль объ образованіи союза государствъ, который долженъ стать руководящимъ факторомъ въ международной политикѣ; во-вторыхъ, означенный союзъ долженъ присвоить себѣ контроль надъ всѣмъ міромъ или по меньшей мѣрѣ уничтожить Англію; въ-третьихъ, пангерманскій планъ требуетъ удержанія союзомъ и въ будущемъ мірового господства и созданія мѣръ для защиты собственной безопасности противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Нѣмцы какъ будто не сомнѣваются въ возможности осуществленія подобнаго союза и обращаютъ главное вниманіе на овладѣніе міровымъ господствомъ, если имъ только удастся развить достаточныя силы для наступленія. Всѣ соображенія насчетъ слабости Англіи и недостатковъ русской и французской администраціи относятся ко второму пункту программы и не имѣютъ почти ничего общаго ни съ первымъ, ни съ послѣднимъ.

Мы, по всей вѣроятности, не больше знаемъ о германскихъ планахъ насчетъ осуществленія перваго и третьяго пунктовъ пангерманской программы, чѣмъ то, что они готовы обнаруживать изъ своихъ предположеній объ осуществимости второго пункта; но здѣсь именно кроется камень преткновенія, о который, вѣроятно, и разобьются эти замыслы. Нельзя, однако, не обратить вниманія на то, что сужденія о

слабости враговъ разглашались съ такимъ упорствомъ и настойчивостью, что невольно получалось впечатлѣніе, будто это дѣлалось намѣренно и не безъ одобренія офиціальныхъ сферъ съ цѣлью воздѣйствія на общественное мнѣніе какъ въ самой Германіи такъ, въ особенности, и въ другихъ частяхъ свѣта. Несомнѣнно, въ Берлинѣ и Вѣнѣ еще гораздо лучше насъ сознаютъ, съ какими трудностями сопряжено созданіе подобнаго союза и сохраненіе въ своихъ рукахъ мірового господства, если это вообще можетъ быть достигнуто.

Пангерманизмъ, въ дѣйствительности, наиболѣе слабъ въ своемъ центрѣ, и его успѣхъ менѣе всего вѣроятенъ «у себя дома». Безъ содѣйствія Австріи и Италіи планъ неосуществимъ, но не далѣе, чѣмъ полвѣка тому назадъ, вражда между союзниками была настолько сильна, что между ними вспыхнула война. Австрія и Пруссія ненавидѣли другъ друга сильнѣе, чѣмъ Пруссія и Франція, а итальянцы и по сю пору не утратили своего недовѣрія къ Австріи; кромѣ того, Пруссію и Австрію не любятъ въ южной Германіи. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи общественное мнѣніе настроено противъ Пруссіи. Наконецъ, отношенія между Австріей и Венгріей всегда были натянуты.

Главнѣйшимъ факторомъ пангерманской конфедераціи долженъ явиться *Балканскій полуостровъ*. Ни въ одной другой части Европы не существуетъ подобной географической, политической и расовой разрозненности, и проблема созданія, при такихъ условіяхъ, изъ балканскихъ народностей стройной системы государствъ, которыя дѣйствовали бы заодно съ союзниками при выполненіи столь сложнаго пла-

на, каковымъ является пангерманизмъ, представляется почти неосуществимой. Балканскіе народы такъ ненавидятъ другъ друга, и государства, достигшія политической самостоятельности, содержатъ въ себѣ столько элементовъ розни, что единственными факторами сближенія между ними являлись, собственно говоря, только общая вражда къ туркамъ и постоянная подозрительность по отношенію къ Австріи и Россіи. Для использованія этихъ народностей въ цѣляхъ пангерманской конфедераціи Германіи и Австріи пришлось бы продолжать вооружать ихъ и снабжать финансовыми средствами для войны, то-есть дать имъ въ руки оружіе, которое могло бы быть направлено какъ противъ самихъ союзниковъ, такъ и противъ тройственнаго согласія. Созданіе на Балканахъ конфедераціи государствъ въ желаемомъ Германіей и Австріей смыслѣ было бы, пожалуй, возможно и даже осуществимо; но сохраненіе надъ ними контроля и внушеніе имъ какой-либо воодушевляющей идеи въ пользу пангерманизма врядъ ли по силамъ даже ловкости Берлинской и Вѣнской дипломатіи. Балканскія государства всѣ желаютъ заполучить только необходимое оружіе для защиты своей независимости, будь то даже противъ Австріи.

Послѣднее звено въ германской цѣпи, уже скованное Германіей, это Турція. Младотурки помогали нѣмецкимъ планамъ и создали нынѣшнее правительство въ надеждѣ, что Германія дозволитъ имъ управлять своими соотечественниками. Однако, они были не мало разочарованы, убѣдившись, что дѣйствительное управленіе политикой и контроль надъ финансостались сами въ рукахъ нѣмцевъ въ Константино-

полѣ. Изгнаніе же турокъ изъ Европы осложнило бы затрудненія Германіи.

Пангерманизмъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, коалиція коалицій. Германія, Австрія, Венгрія, Балканскія страны и Турція, не являются государствами, въ которыхъ были бы слиты всѣ расовыя различія, сглажены религіозныя распри, и гдѣ государственная власть покоилась бы на незыблемыхъ устояхъ поддержки и любви всего народа. И изъ такого матеріала пангерманизмъ предполагаетъ создать новую федерацію, основы которой будутъ еще болѣе шатки, чѣмъ основы тѣхъ сочетаній, изъ которыхъ она должна образоваться и существованію коихъ можетъ ежедневно угрожать посягательство внутреннихъ враговъ. Измѣненіе внутри любой изъ этихъ федерацій неминуемо должно будетъ отразиться на образованномъ изъ нихъ цѣломъ. Успѣхъ всего пангерманскаго плана находится въ прямой зависимости отъ внутренней устойчивости Германіи и Австріи. Болѣе того, даже дальнѣйшее стремленіе къ осуществленію этого плана зависитъ отъ продленія дѣятельности тѣхъ руководителей, которые нынѣ направляютъ политику названныхъ государствъ, и отъ ихъ способности завѣщать эти цѣли своимъ преемникамъ, такъ какъ преемственность политики является непремѣннымъ условіемъ пангерманизма.

Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ силы, стремящіяся къ измѣненію конституціонныхъ, административныхъ и политическихъ условій, были бы болѣе настойчивы, чѣмъ въ Германіи. Соціалистическая партія въ Германіи очень сильна, ея ростъ прогрессивно увеличивается, и она опередила по численности почти

всѣ прочія парламентскія партіи; соціалъ-демократы фактически завладѣли городскимъ управленіемъ Берлина и составляютъ большинство во многихъ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Оппозиція же въ австрійскомъ и венгерскомъ парламентахъ настолько значительна, что не разъ приходилось уже прерывать на нѣсколько дней или мѣсяцевъ правильное теченіе сессій или прибѣгать къ военной власти для удаленія строптивыхъ депутатовъ, чтобы наладить опять правильный ходъ занятій. Представительная система, введенная конституціями обѣихъ этихъ странъ, допускаетъ большинство народа къ выборамъ, но оцѣниваетъ голоса по имущественному и образовательному цензу. Введеніе общей подачи голосовъ, по примѣру Англіи, Франціи и Америки, свело бы къ безнадежному меньшинству партіи, которыя нынѣ стоятъ у кормила правленія, и подорвало бы проводимые ими взгляды. Офиціальная программа нѣмецкихъ соціалистовъ относится отрицательно къ настоящимъ агрессивнымъ тенденціямъ Германіи*). И, можетъ быть, не маловаженъ тотъ фактъ, что наиболѣе популярная партія въ Германіи занимаетъ по отношенію къ пангерманизму оппозиціонное положеніе и считаетъ основную идею всего плана непригодной и нежелательной. Хотя всѣ эти вліянія не могутъ еще считаться достаточно властными, чтобы помѣшать нынѣшнимъ правителямъ подготовлять союзы, изъ которыхъ долженъ вылиться пангерманизмъ, но всетаки нельзя

*) До нѣкоторой степени ошибоченъ взглядъ автора на роль нѣмецкихъ соціалистовъ какъ на тормазъ, сдерживающій агрессивность политики Германіи. Но для будущаго это явленіе не лишено значенія. (Примѣчаніе переводчика).

не допустить, что они могутъ оказать чрезвычайно важное воздѣйствіе на стойкость и преемственность означенныхъ политическихъ цѣлей. Нельзя, пожалуй, оспаривать, что пангерманизмъ осуществимъ и что нанесеніе подобною конфедераціей государствъ сокрушающаго удара тройственному согласію лежитъ въ области возможнаго; но кажется крайне сомнительнымъ, чтобы на такихъ началахъ пангерманизмъ долго противостоялъ натиску внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Англичане всегда отличались проницательностью и умѣніемъ использовать свои шансы. Они создали свое настоящее положеніе, какъ то признаютъ англійскіе историки, пользуясь соперничествомъ и взаимной ревностью другихъ странъ Европы между собою. Возникавшія отъ времени до времени коалиціи противъ Англіи разъединялись всякій разъ искусствомъ британской политики. Нѣмцы полагаютъ, что возможность повторенія подобныхъ успѣховъ англійской политики теперь устранена благодаря измѣнившемуся положенію Германіи и Австріи и относительному ослабленію Англіи. Однако, Англія далеко не изолирована на свѣтѣ; она имѣетъ сильнѣйшихъ союзниковъ въ лицѣ Россіи, Франціи и Америки, которыя вмѣстѣ съ нею владѣютъ половиною земного шара, господствомъ надъ морями, большею частью экономическихъ рессурсовъ міра и главнѣйшими финансовыми организаціями. Основная ошибка Германіи заключается въ слѣдующемъ: въ виду того, что, по ея мнѣнію, положеніе Англіи нынѣ измѣнилось и она не въ состояніи поддерживать свое преобладающее положеніе тѣми же средствами, коими таковое

было первоначально создано, Германія полагаетъ, будто не существуетъ другихъ факторовъ важнѣйшаго значенія для его сохраненія. Можно было бы сказать, что положеніе Англіи измѣнилось по своему характеру, но не по существу; въ этомъ отношеніи не произошло никакой перемѣны. Сила Англіи покоилась всегда болѣе на европейскомъ равновѣсіи, чѣмъ на ея собственныхъ физическихъ силахъ, и это главнѣйшее условіе ея преобладанія еще полностью существуетъ.

2.

Внѣшняя его слабость.

Можетъ ли вообще осуществиться планъ пангерманизма въ полномъ его объемѣ безъ содѣйствія Италіи или вопреки ея продиводѣйствію? *) Предположимъ, что Англія уступитъ Италіи Египетъ вдобавокъ къ Триполи, сохраняя за собою только право свободнаго прохода чрезъ Суэцкій каналъ и господство въ Красномъ морѣ; что Франція предложитъ Испаніи

*) Что касается оцѣнки международнаго положенія, сдѣланной авторомъ въ настоящей главѣ, съ цѣлью указанія слабыхъ сторонъ пангерманизма съ точки зрѣнія внѣшней политики, то нѣкоторые доводы его здѣсь опускаются, какъ не отвѣчающіе болѣе современному положенію вещей. Таковыми являются, напримѣръ, доказывающія проницательность автора предположенія насчетъ вѣроятнаго выхода Италіи изъ состава тройственнаго союза, уже совершившагося нынѣ факта.

часть Марокко; что тройственное согласіе гарантируетъ автономію Греціи и Балканскихъ государствъ и обезпечитъ Россіи свободу плаванія чрезъ проливы; предположимъ, что младотурки получатъ въ полное свое распоряженіе Малую Азію взамѣнъ предоставленія извѣстныхъ привилегій на линіи Багдадской дороги и права сооруженія оросительной системы въ Месопотаміи; допустимъ, что Англія и Россія возстановятъ полную автономію Персіи, выговоривъ себѣ торговую монополію и право постройки трансперсидской желѣзной дороги; неужели положеніе тогда существенно не измѣнилось бы? Не встрѣтило-ли бы при такихъ условіяхъ тройственное согласіе поддержку со стороны самихъ этихъ странъ, присоединеніе коихъ къ своей программѣ столь необходимо пангерманизму? Устояла-ли бы пангерманская конфедерація противъ такихъ предложеній, когда тройственное согласіе могло бы обѣщать каждому изъ указанныхъ государствъ извѣстныя преимущества соразмѣрно съ встрѣчаемымъ съ ихъ стороны содѣйствіемъ, въ увѣренности, что ихъ выходъ изъ конфедераціи разстроитъ пангерманскіе планы? Тройственное согласіе, разумѣется, предпочло бы сохранить въ цѣлости все, чѣмъ оно владѣетъ; но оно не было бы настолько слѣпо, чтобы не видѣть, что поступаясь извѣстными долями, оно въ состояніи закрѣпить остающееся ему для будущихъ поколѣній.

Нѣмцы безусловно вѣрно поняли ходъ историческаго развитія Великобританіи и оцѣнили важность помощи со стороны мѣстнаго населенія при созданіи того положенія, котораго нынѣ достигла Англія. Но они очевидно полагаютъ, что у Англіи теперь нѣтъ ни-

какихъ другихъ опоръ, кромѣ тѣхъ, которыя она имѣла и раньше. Они забываютъ объ умѣніи, съ которымъ Англія управляла Индіей, о несомнѣнныхъ выгодахъ, выпадавшихъ на долю индусовъ, и о томъ, что первое время населеніе пользовалось мягкимъ и справедливымъ обращеніемъ и имѣло возможность удерживать въ свою пользу достаточную часть своихъ доходовъ. Какія бы легенды ни распространялись о притѣсненіяхъ Индіи, притѣсненія эти въ дѣйствительности ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя переносила эта несчастная страна до англійскаго владычества. Демократическая волна, хлынувшая на Востокъ, не миновала и индусовъ; но даже самые безпристрастные изслѣдователи этого вопроса не обнаружили еще значительнаго числа индусовъ, которые считали бы живущія въ Индіи разнородныя племена способными къ самоуправленію. Англичане поняли, что демократическое движеніе въ Индіи дѣло рукъ извѣстной націи, которая желала бы господствовать надъ другими племенами. Не трудно имъ поэтому доказать индусамъ касты браминовъ, насколько нежелательно для нихъ господство магометанъ, которые, въ свою очередь, никоимъ образомъ не были бы довольны господствомъ индусовъ. Каждый стремится заполучить для своей секты право управленія Индіей, и поскольку каждый не желаетъ подчиниться господству другой секты, исповѣдующей иную вѣру, постольку же всѣ мирятся съ продленіемъ настоящаго англійскаго владычества. Если такъ легко будетъ доказать, что съ удаленіемъ англичанъ управленіе Индіей не перешло бы въ руки туземныхъ племенъ или сектъ, а привело бы къ захвату

Индіи Россіей или Германіей, то желаніе индусовъ и магометанъ изгнать англичанъ сильно видоизмѣнится. Англичане настолько ясно изложили эту точку зрѣнія тѣмъ туземцамъ, которые по своему положенію или способностямъ могли бы возбудить подобное движеніе, что общее возстаніе противъ англичанъ въ Индіи является маловѣроятнымъ, между тѣмъ какъ помощь мѣстныхъ властелиновъ можно считать обезпеченной англичанамъ, пока длится настоящее международное положеніе. Допустимъ внезапное измѣненіе этого положенія и возможность, по той или иной причинѣ, изгнанія всѣхъ иностранцевъ изъ Индіи; не оказались ли бы тогда англичане въ состояніи предложить туземцамъ за право торговой монополіи, которымъ англичане всегда пользовались и противъ чего мѣстные уроженцы серьезно никогда не возражали,—содѣйствіе для охраны и поддержки дѣйствительной автономіи? Не встрѣтили ли бы нѣмцы или русскіе совершенно иной отпоръ, чѣмъ англичане, которыхъ мѣстное населеніе будто бы такъ ненавидитъ? Одно — вырвать Индію изъ рукъ нѣсколькихъ тысячъ англичанъ при помощи индусовъ, но другое— отвоевать Индію отъ англичанъ, находящихся въ союзѣ съ индусами. Если первое возможно, то второе является совершенно невѣроятнымъ, насколько можно судить по доступнымъ для изученія даннымъ.

Нѣмцы много толкуютъ о недостаточной общности экономическихъ интересовъ между Англіей и ея самоуправляющимися колоніями въ виду раздѣляющихъ ихъ разстояній. Между тѣмъ нынѣ легче вести торговлю съ Новой Зеландіей, чѣмъ до 1850 г. было торговать, напр., между Берлиномъ и Мюнхеномъ.

Экономическая связь между Англіей и ея колоніями въ настоящее время почти такъ же близка, какъ прежняя связь отдѣльныхъ частей Германіи по отношенію къ цолль-ферейну. Разумѣется, это сравненіе не должно быть преувеличено, но оно показываетъ, что существованіе Атлантическаго океана не можетъ быть приведено въ доказательство отсутствія общности экономическихъ интересовъ. Принимая хотя бы только то во вниманіе, что связью между Англіей и ея самоуправляющимися колоніями является кровное родство, трудно отрицать, что этихъ узъ было бы достаточно для объединенія всей имперіи и обезпеченія ея дѣйствительной помощью со стороны послѣднихъ. Восторженный откликъ колоній на недавнюю просьбу общей родины о содѣйствіи наглядно доказалъ, что узы между Англіей и ея колоніями, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ политическая связь, которою сдерживаются отдѣльныя части Австро-Венгріи. Даже если считаться съ наихудшими условіями Британской имперіи и наиболѣе выгоднымъ положеніемъ вещей въ двуединой монархіи, трудно отрицать, что Британская имперія обладаетъ всѣми свойствами единства происхожденія языка, религіи, экономическихъ и политическихъ интересовъ, чего недостаетъ двуединой монархіи. Между тѣмъ неприкосновенное существованіе двуединой монархіи гораздо важнѣе для пангерманизма, чѣмъ помощь англійскихъ колоній для тройственнаго согласія.

Что касается экономическихъ способовъ борьбы, на которые Германія такъ полагается, то ихъ сила не подлежитъ сомнѣнію, но дѣлаемые изъ этого нѣмцами выводы, по меньшей мѣрѣ, являются преувеличенны-

ми. Безусловно Германія имѣетъ въ своихъ рукахъ реальныя цѣнности, а прочія націи—бумажныя свидѣтельства о помѣщеніи своихъ капиталовъ; и если бы Германія уклонилась отъ уплаты по своимъ займамъ и оказалась въ состояніи отстоять свое положеніе въ теченіе войны, то это могло бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Захватъ англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ предпріятіяхъ въ другихъ частяхъ свѣта, представляется мало вѣроятнымъ. Старая истина гласитъ, что сильный можетъ ограбить слабаго и что могущественная нація можетъ разгромить меньшую; но житейскій опытъ доказалъ, что даже если грабитель не наказывается рукою правосудія, то все таки существуютъ, какъ будто, извѣстные экономическіе законы, которые, такъ или иначе, мѣшаютъ ему извлечь изъ содѣяннаго всю выгоду, на которую онъ разсчитывалъ. Пренебреженіе понятіями коммерческой и національной порядочности и честности строго клеймится финансовымъ міромъ, и кажется, что нѣмцы недостаточно оцѣниваютъ силу этихъ нравственныхъ обязательствъ, объединяющихъ весь коммерческій міръ.

Иностранные капиталисты не преминули учесть тотъ фактъ, что если бы Германія даже и не рѣшилась предпринять шаги для отказа отъ своихъ долговыхъ обязательствъ, наступленіе войны лишило бы ихъ доходовъ. Поэтому они уже съ нѣкоторыхъ поръ перестали помѣщать свои капиталы, въ той же мѣрѣ, какъ раньше, въ нѣмецкихъ бумагахъ; они воздерживались отъ разрѣшенія займовъ въ пользу Германіи и Австріи безъ достаточныхъ ручательствъ въ прямомъ назначеніи этихъ денегъ, во избѣжаніе возможнаго предательства; кромѣ того, они старались за послѣднее время обращать свои

капиталы, находившіеся въ Германіи, въ другія цѣнности. Американскіе капиталисты не были склонны принимать на вѣру подобныя предостереженія, равно какъ и скромные европейскіе держатели нѣмецкихъ бумагъ, не посвященные въ политическія дѣла и всегда готовые считать германское и австрійское правительства безусловно рѣрными своему слову; выдающіеся же финансовые дѣятели не были того мнѣнія, и достаточно указать, напримѣръ, на то, что австрійскій военный заемъ 1912 г., по курсу 97, не былъ быстро покрытъ.

Нѣмцы какъ будто не считаются съ тѣмъ, что по окончаніи войны и послѣ того, какъ имъ удалось бы разорить Францію и ограбить Англію, они всетаки были бы принуждены имѣть общеніе съ остальнымъ міромъ и другъ съ другомъ. Полный отказъ нѣмцевъ отъ уплаты своихъ долговъ, частныхъ и національныхъ, какъ бы это ни было гибельно въ данную минуту для ихъ кредиторовъ, долженъ былъ бы отразиться впослѣдствіи настолько неблагопріятно на ихъ собственномъ положеніи, что вся эта операція врядъ-ли могла бы быть имъ выгодна. Послѣ такого поступка могли ли бы они разсчитывать на довѣріе индусовъ или китайцевъ, не говоря уже о сохраненіи такой вѣры въ ихъ честность и порядочность со стороны другихъ націй; между тѣмъ на этихъ основахъ долженъ былъ бы покоиться весь строй пангерманизма.

Другія экономическія средства борьбы, о которыхъ такъ много говорили нѣмцы, какъ взятіе Англіи изморомъ, лишеніе ея фабрикъ сырья, пресѣченіе рессурсовъ для поддержанія ея флота, все это зависѣло бы отъ умѣнія германскаго флота выманить англичанъ и

завладѣть Ламаншемъ, или нанести на первыхъ же порахъ такое рѣшающее пораженіе англійской эскадрѣ, чтобы она не успѣла во-время, для предотвращенія катастрофы, получить подкрѣпленія изъ Средиземнаго моря или изъ американскихъ водъ. Что касается германской арміи, то мы должны признать превосходство ея надъ флотомъ;но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упускать изъ виду отзывовъ военныхъ критиковъ, по мнѣнію которыхъ нѣмецкія войска слишкомъ рутинны и механичны въ своихъ эволюціяхъ и лишены находчивости.

Когда говорятъ про англійское войско, принято указывать на его недостатки; но подобныя сужденія преднамѣренно преувеличивались въ самой Англіи сторонниками всеобщей воинской повинности. Хотя англо-саксонская раса до войны и въ началѣ военныхъ дѣйствій всегда казалась мало пригодной для полевой службы, она тѣмъ не менѣе обыкновенно побѣждала. Съ точки зрѣнія стратегіи герцогъ Веллингтонъ долженъ былъ бы быть неминуемо разбитъ при Ватерлоо; рѣдкая линія его войскъ, казалось, никогда не могла бы удержать занятой позиціи; но критики должны были затѣмъ признать, что англійскіе солдаты обладаютъ извѣстными качествами, которыя недостаютъ другимъ войскамъ, благодаря чему они, вопреки всѣмъ расчетамъ, могли удержать свою позицію и выиграть величайшее сраженіе въ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что къ англо-саксонскимъ войскамъ относятся съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, но потомки участниковъ наполеоновскихъ войнъ и побѣдители въ южно-африканской кампаніи, несомнѣнно, сумѣютъ проявить свои высо-

кія качества, если бы имъ пришлось сразиться со вторгшимся на ихъ территорію непріятелемъ.

Наиболѣе загадочной представляется автору роль Россіи, но вѣрнымъ чутьемъ онъ приходитъ къ выводу, что Россія не могла бы примкнуть къ Германіи, не отказавшись навсегда отъ своего вліянія въ Балтійскомъ морѣ и не отступивъ сама въ Азію.

«При существованіи союза между Англіей, Франціей, Америкой и Россіей,—заключаетъ авторъ,—пангерманизмъ можетъ достичь, въ лучшемъ случаѣ, не болѣе чѣмъ временнаго или частичнаго успѣха. Первыя три изъ указанныхъ державъ не въ состояніи нарушить связи между собою безъ того, чтобы не рисковать всѣмъ, чѣмъ онѣ теперь владѣютъ; Россія же могла бы это сдѣлать лишь цѣною отреченія отъ своихъ исконныхъ жизненныхъ задачъ, которыя она преслѣдуетъ съ тѣхъ поръ, какъ она впервые выступила на арену европейской политики».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Отъ переводчика	5.
I.	Причины агрессивности Германіи	7.
II.	Миѳъ объ англійскомъ преобладаніи въ Европѣ. .	15
III.	Слабость имперіалистической Англіи	20.
IV.	Франція и Россія въ глазахъ нѣмцевъ	25
V.	Сила имперіалистической Германіи.	33
VI.	Какъ Англія и Франція сами судятъ о своемъ положеніи	36.
VII.	Германскіе взгляды на экономическое положеніе.	43.
VIII.	Необходимыя условія успѣха	49.
IX.	Первые шаги	55.
X.	Отношеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ пангерманскому вопросу . . .	60.
XI.	Первыя неудачи	67.
XII.	Успѣхъ послѣ неудачи: Триполійская война . .	73.
XIII.	Послѣдствія Триполійской войны	78.
XIV.	Балканскій кризисъ	83.
XV.	Пангерманизмъ, какъ національное самосознаніе.	93.
XVI.	Шансы пангерманизма: 1. Внутренняя его слабость.	98.
	» » 2. Внѣшняя его слабость.	106.

Разрѣшено военной цензурой 12 мая 1916 года.

Цѣна 2 р.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:
Петроградъ, к-во «Огни» Фонтанка, 80, тел. 252-56.
Москва, к-во «Задруга», М. Никитская, 29, тел. 450-61.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pangermanizm. Sokrashchennyi p
914.3 U85B
D90376107X